

ВЕПЕТ
СКАЗ ПЕРВЫЙ

СЫН ПЛАМЕНИ

АНДРЕЙ КРЕСС

18+

Андрей Кресс

Велет: Сын пламени

«Автор»

2026

Кресс А.

Велет: Сын пламени / А. Кресс — «Автор», 2026

Лишенный семьи и наставника, Рейм покидает родной дом в поисках спасения. Он даже не подозревает, что там, в далеких неизведанных краях, на землю опускается тьма: князья сеют раздор, а коварные умы плетут интриги, в паутине которых юноша уже увяз. Сможет ли необычный юноша выжить в мире, где чудовища таятся не только во мраке лесов, но и среди людей? И о чем расскажет шрам на его руке?

От автора: Это первая из двух частей книги, в которой главные герои проведут вас через приключения и испытания, а так же помогут погрузиться в историю мира и разобраться с картой Миридара.

© Кресс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

День падения черных небес	5
Отродье	8
Лисий Хутор	14
Ночь скорби	18
Пламя воспоминаний	26
Письмо	31
Горечь на Лисьей Тропе	35
Под железным небом	40
Щит Рейма	47
Снем Восьми Углов	53
По следам следопыта	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Велет: Сын пламени

*Огонь не спрашивает, кто его зажжёт.
Он просто сжигает.*

День падения черных небес

Пролог

Когда тени потоком на землю прольются,
Когда братья отринут узы кровей
И возложат мечи на плечи друг друга -
Обагрятся все реки от первых морей.

Когда небо опустится черным туманом,
И детский плач разорвет небосвод,
А лихо и мор пройдутся в обнимку -
Родится дитя от двух древних миров.

Пророчество Арники, 399 г. Эра Велеса

Едва ли в тот день кто-то из нас догадывался о грядущих вскоре событиях. Многие жители Борграда были помилованы великими аспектами, хоть и лились по ним слезы долгие весны. Другим же в тот день свезло много меньше — они остались жить.

Он действовал у всех на виду, а потому оставался в тени. Низенький человек, сильно ссутулившийся, то ли от бремени прожитых весен, то ли от врожденного недуга, сверкнул глазами из-под натянутого капюшона, чтобы осмотреться вокруг. Удовлетворившись результатом, он протиснулся в двери неприметного, деревянного дома. Оказавшись внутри строения, стоявшего посреди оживленной улицы среди таких же жилищ украшенных неровным срубом потемневших бревен, он первым делом зажег пару лучин у входа и закрыл оконные створки, хотя до наступления ночи оставалось еще много часов и освещения было достаточно. Открытый очаг в центре жилища при этом остался не тронут. Взяв одну из лучин в руку, скрюченный человек откинул напольный коврик, под которым прятался люк погреба, оснащенный тяжелым замком — с виду изделие было выковано совсем недавно. Найдя в складках своих одежд ключ из черного металла, он ловко справился с запорным механизмом и, с удивительной легкостью, поднял массивную дверцу.

Удобные, намного более удобные, чем принято их делать для обычного погреба ступени, привели человека в темный, пропитанный сыростью подвал. Первый зажженный светец показал, что погреб намного больше, чем должен быть. Свет тянулся в разные стороны помещения и полностью поглощался тьмой не находя никаких препятствий на своем пути. Еще шестнадцать лучин загорелись в скором времени. Они показали не только поразительные размеры подземелья, которое могло вместить в себя несколько домов, но и шесть, скованных железными кандалами, людей.

Лишенные. Именно такое слово пришло бы в голову при взгляде на этих несчастных. С уверенностью можно было сказать, что вот уже много дней эти люди разного пола и возраста, были лишены всего необходимого для нормальной жизни: одежды, света, движений, еды и даже воды. Они были лишены всякой свободы. Казалось, что от времени они утратили разум и слово, а глаза их были закрыты. Лишенные. Именно такие люди были нужны человеку в капюшоне.

Рослый, до недавнего времени крепкий и сильный парень, первым обрел сознание, скорчив болезненную гримасу. Глазам потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть к свету и вернуть себе зрение. Когда он наконец снова смог видеть, то заметил, как сгорбившийся человек, одетый в простецкий балахон, придвинул поближе к стене тяжелый стол, на котором покоился идол неизвестного аспекта вырезанный из черной древесины.

Низкий человек очень аккуратно раскладывал на столе различные принадлежности, но пробудившийся лишенный смог разглядеть только нож и кости каких-то мелких животных. Пленник некоторое время пытался рассмотреть идола, но его очертания странным образом оставались недоступными — при взгляде на него глаза окутывал серебристый туман, а сам лик становился размытым.

Приготовления шли так долго, что остальные пленники успели очнуться. Едва живой лысый старик, изможденная седовласая женщина, ослабшая худая девушка со светлыми волосами, и двое детей от силы восьми весен — мальчик и девочка. Парень с девушкой сделали едва заметную попытку шевельнуться, но простые цепи стали для них неподъемными якорями. Темноволосые дети с большими глазами безмолвно шевелили пересохшими губами. Они были не в состоянии произнести ни слова, а старики сидели у холодной земляной стены совершенно недвижно. Наконец скрюченный человек подошел к ним, осмотрел каждого на предмет наличия жизни и двинулся к соседней стенке, возле которой расположился круглый рычаг. Первое давление на рукоять привело простой механизм в движение — цепи натянулись и все пленники невольно повисли в воздухе издав лишь глухие стоны боли. Они стали еще более беззащитны. Несмотря на застилающий взор туман и стучащие барабаны в голове, каждый лишенный понимал, что в скором времени его ждет еще больше мучений и страданий.

Человек в капюшоне взял нож со стола, одну из глиняных чаш и подошел к старикам. Разглядеть лицо было невозможно, только кривой рот с тонкими губами выступал немного вперед. Он неприятно улыбнулся обнажая редкие желтые зубы.

— Виа Морту, — прозвучал скрипучий голос из под капюшона, — Идущий Дорогой Смерти, великий аспект вечной зимы и хозяин Ледяного предела, прими мудрость этих людей.

С этими словами он легким движением перерезал старику горло и поставил посуду, чтобы собрать вытекающую кровь.

— Ибо жертва эта лишь для тебя, — продолжил человек и повторил действие со старой женщиной.

Парень, висевший рядом, начал судорожно дергаться в попытках освободиться. Безуспешно — оковы были крепки. Девушка лишь отвернулась, ее впалый живот содрогался в спазмах невозможной тошноты. Дети, из-за своих соседей, не увидели, что именно произошло, но от напряжения витавшего в воздухе бесслезно заплакали. Ссутулившийся человек, не обращая никакого внимания на движения пленников, обмакнул палец в собранную кровь, нарисовал сложную вязь символов на идоле и поставил чашу на стол, сменив ее на плоские деревянные тарелки.

— Виа Морту, — снова начал он подойдя к парню, — Идущий Дорогой Смерти, великий аспект вечной зимы и хозяин Ледяного предела, прими жизненную силу этих людей.

Не в силах выдержать боль от вонзившегося в живот лезвия, парень издал истошный хрип, не сумевший превратиться в полноценный крик. Смерть не торопилась забирать следу-

ющую жизнь. Лицо парня искажала агония, пока незнакомец методично, с точностью старого лекаря, доставал желудок из тела.

— Ибо жертва эта лишь для тебя, — повторил скрипучий голос и с той же холодной щепетильностью выпотрошил несчастную девушку. На вид ей было не больше тридцати, а обнаженное тело, хоть и изуродованное, даже сейчас хранило на себе следы былой красоты.

Разложив внутренности живота на тарелки, фигура в капюшоне поставила их по бокам от идола. Теперь человек взял широкую бронзовую миску с края стола и направился к самым юным из узников. Они дрожали от страха, холода и отчаяния.

— Мамка, — заскулил паренек едва пробивающимся голосом, — где наша мамка?

Встретившись взглядом с детскими глазами, покрасневшими и опухшими, человек остановился на несколько мгновений, словно о чем-то задумавшись, а затем подошел ближе и повторил свои слова, заменяя "силу" на "молодость и годы". Спустя короткое время и несколько истошных вскриков тонких голосков, перед образом Виа МОРТУ, вырезанным из черного дерева, оказалась посуда с двумя небьющимися маленькими сердцами.

В тот же миг, как стихло эхо скрипучего голоса и темный обряд был совершен, сами небеса прогнили тьмой и рухнули на оживленный городище. Непроглядная черная масса расплзлась по улицам словно живой, голодный зверь, принося с собой могильный холод. Тьма вгрызалась в дома и проулки. Она покрывала округу тонким слоем мертвенного инея, и безжалостно выворачивая людей наизнанку, превратив их последние мгновения в бесконечную агонию. Домашний скот, как и прочая живность, не имевшая времени и возможности сбежать, пали вместе со своими хозяевами. К часу аспида эта жатва ледяного предела забрала большую часть жизни Борграда, не пощадив ни стар, ни млад, и оставила лишь жалкую кучку выживших блуждать среди изуродованных тел. Им суждено было навечно сохранить в памяти лик этого скорбного дня. Дня, утопившего людей в крови и криках. Дня падения черных небес.

Отродье

Очнувшись от беспокойного сна, Рейм обнаружил, что его постель и ночная рубашка пропитаны холодным потом. Он тревожно осмотрелся вокруг и, узнав родное жилище, с облегчением выдохнул из груди теплый воздух, попутно запуская руку в копну рыжих, почти красных, непослушных волос.

Свесив ноги с кровати, парень застыл на пару минут, размышляя о сне, но тот улетучивался из головы так же быстро, как это делает пар, выпущенный в зимнее время из бани.

— Ты что, захворал? — прозвучал низкий, слегка хриплый голос, принадлежавший только что вошедшему в избу худому широкоплечему мужчине. — Чего бледный такой?

— Сон дурной, — ответил Рейм, вставая с кровати, — ты давно встал?

— Достаточно, чтобы проверить пустые ловушки.

— Значит, сегодня тоже, — с досадой и чем-то похожим на смущение ответил Рейм, — после обеда схожу за белками. Может, дичь какая попадется.

Мужчина лишь пожал плечами и подкинул дров в печь. Другой реакции от Йорана парень и не ожидал. Длинная ночь, типичная для северного региона Калевалы, уже начала отступать, забирая с собой лютые холода, однако этого было недостаточно, чтобы оставлять дом без согревающего тепла каменки. Закрыв дверцу топки, мужчина, прихрамывая, вышел в сени и почти сразу вернулся, держа в руках глиняный горшок, бережно завернутый в белый рушник с вышитыми на нем оленями.

Закончив переодеваться, Рейм вопросительно уставился на предмет посуды.

— Это от старой Ииды, — пояснил мужчина, — она меня этот горшок почти силой заставила взять.

— Шутишь? — по веснушчатому лицу пробежала улыбка.

— Так и сказала: "Слушай, Йоран, ты либо этот горшок возьмешь по-доброму, либо я вылью его содержимое тебе в портки", — он поставил сосуд на деревянный стол, — так что вот.

С последними словами мужчина снял с посуды крышку. Полупрозрачное облачко от горячего супа вместе с волшебным ароматом тотчас разнеслись по всей избе. Стоит заметить, что Рейм не слишком удивился такому гостинцу. Йоран был охотником при деревне, и у него с травницей всегда были хорошие отношения, а самого парня она любила как собственного сына или внука. В последний год Иида не упускала возможности напомнить, что Рейм хоть и юн, но вымахал уже выше Йорана, которого, к слову, никак нельзя было назвать низким человеком, а мяса на костях так и нет.

Да и по правде говоря, без охотника не было бы никакого супа. Будучи бывшим вартом, он каждую зиму брал на себя ответственность добывать мясо для той части поселения, что по каким-то причинам не могла делать этого самостоятельно. Старая одинокая травница определенно относилась к таковым. Вообще Йорану нравилось это дело. Конечно, он нередко вспоминал дни службы среди вартов: частые путешествия, вылазки на кланы буревиков, славные сечи и даже парочку пиров у великого кининга, но все же ощущение реальной полезности доставляло ему удовольствие. Хоть разглядеть это за хмурым лицом было невероятно сложно.

Насладившись завтраком, и покончив с утренними бытовыми делами вроде заготовки дров на вечер, Рейм, держа свое слово, снарядился луком, приладил внушительных размеров нож к бедру и, пересчитав стрелы в колчане, отправился на охотничью тропку. Во дворе домика он предупредил Йорана о своем уходе, на что получил одобрителный короткий ответ:

— За полынь не заходи.

— Помню, — кивнул Рейм и отправился в путь.

Начало весны ощущалось весьма холодным, но мысль о горячем рагу из белок подогрела рвение парня. Охотничьи тропы были хорошо изведаны. Вот уже тринадцать весен охот-

ник обучал юношу ремеслу добытчика и следопыта. Правда, Рейм больше мечтал и часто упрашивал наставника обучить его владению мечом, тем более что, будучи бывшим вартом, Йоран имел право его носить, а само оружие покоилось на стене за печкой, но тот наотрез отказывался. И всё же стрельбой из лука и ловкими движениями охотничьего ножа молодой следопыт уже владел, как он сам считал, вполне уверенно.

Выйдя на знакомую опушку, Рейм положил снаряжение на снег, поднес руки ко рту, сложив их в форме лодочки, и, проведя серыми глазами по лесу, издал специфичный звук: "Т-р-р-р-р-а!". Некоторое время он молча прислушивался к лесу, а затем повторил свою трель еще раз. Наконец во рту появился знакомый сладковатый привкус. Из-за деревьев выскочило огромное белое пятно, которое стремительно направилось к парню. Всего в пару длинных скачков пятно достигло своей цели и ударило Рейма в грудь черными длинными лапами.

— Вайда! — смеясь и одновременно задыхаясь, простонал Рейм. — Ты меня так к праотцам отправишь.

Издав щелкающий довольный рык, похожий на усмешку, зверь отскочил, показав себя во всей красе. Это была исполинских размеров снежелиса. Вайда игриво пятилась боком, демонстрируя белоснежный окрас с серыми вставками, который переходил в угольно-черные лапы и такие же кончики ушей и хвоста.

— Клянусь предками, Вайда, — говорил Рейм, отряхиваясь от снега, — мне кажется, ты никогда не перестанешь расти.

Он подошел к мохнатой морде и в подтверждение своих слов провел ладонью от рыжей макушки до ушей зверя, которые оказались почти на одном уровне. Вайда поспешила уткнуться носом в приблизившееся лицо, и всего через мгновение они снова покатались по снегу, сплетаясь в неразборчивый игривый клубок. Недетские игрища с лесным хищником закончились почесыванием мохнатого живота лисицы, которая явно получала удовольствие, дрыгая задней лапой.

Необычная дружба завязалась больше пяти весен назад. Рейм тогда отправился на одну из первых самостоятельных вылазок и, как водится, забрел в лес значительно дальше, чем полагалось. Продираясь сквозь осенние чащобы, забыв о счете времени, юный следопыт был уверен, что идет прямо за стадом диких кабанов. Кто знает, может, так оно и было. Тем не менее, вместо того чтобы добыть тушу хотя бы некрупного кабанчика, он едва не стал обедом для хозяина леса.

Зима была совсем близко, поэтому косолапый, ведомый желанием запастись как можно большим количеством жира перед зимней спячкой, наверняка не побрезговал бы рыжим художавым парнишкой. Несмотря на свою внушительную массу, медведь ступал по земле совершенно бесшумно. Рейм, полностью поглощенный выслеживанием предполагаемого ужина, вздрогнул от неожиданности и быстро обернулся, когда услышал за спиной тьявкающее шипение, перемешанное с поскуливанием. Тогда у него впервые появилось такое привычное теперь и странное в тот момент покалывание на языке.

Это была Вайда. Еще совсем крохотный серый невзрачный лисенок, который каким-то образом оказался без матери и шанса на выживание, своим испуганным клекотанием спас мальчика от неизбежной роковой встречи с шатуном. Заприметив хищника, Рейм сразу пустился наутек, пока медведь отвлекся на детеныша, но внутри у парня что-то кольнуло, и он снова обернулся. Лисенок, пятясь задом, уперся в повалившееся дерево и, продолжая скалиться, пытался вжаться в него как можно сильнее.

Вспоминая уроки охотника, Рейм подобрал увесистую палку и, яростно крича, начал барабанить ей по деревьям. "Что ж я делаю? Дурак!" — ругал себя парень, продолжая бесноваться и мелькать между деревьями. Он расхаживал от одной сосны к другой, метался среди пышных елей, стараясь оставаться закрытым, выбирал стволы разной толщины и порой бил с

такой силой, что его орудие едва не переламывалось пополам. К удивлению юноши, наставления Йорана сработали: медведь растерялся от громких звуков и поспешил скрыться в густой чаще.

Подойдя ближе к лисенку, следопыт увидел, как этот комочек шерсти продолжает испуганно вжиматься в бревно. Рейм хотел оставить его в надежде, что тот найдет родню или хотя бы прокормится сам, но в последний момент заметил, что передняя лапа висит в неестественном изгибе. Решение стало таким же очевидным, как тот факт, что за ночью следует день. Едва избежав нескольких быстрых укусов, Рейм укутал лисенка в кафтан и как можно скорее вернулся домой.

Отношение наставника к незваному гостю весьма озадачило мальчика. Охотник, внимательно выслушав рассказ о необычной встрече, не стал громко ругаться или наказывать парня, а лишь похвалил того за находчивость. Более того, он осмотрел животное, помог вправить раненую лапу и даже организовал для Вайды удобное место на углу печи, поставив чашку молока рядом с аккуратно уложенным старым шугаем.

— Заботиться о нем будешь сам. Кормить тоже. Когда животное окрепнет и подрастет, отпустишь на волю.

— Но... — начал было возражать Рейм.

— Иначе зверь отправится на улицу прямо сейчас, — отрезал Йоран.

Юноше оставалось только согласиться.

Проходка по тропам не принесла ожидаемых результатов. Один раз Рейм засек весьма крупного тетерева, который вылез из-под снега в поисках пропитания, но того спугнул шум, донесшийся из леса, и желанная дичь скрылась между сосновых верхушек. Снежелисе, очевидно, повезло больше. Пока парень пытался выследить какую-нибудь живность, подходящую для ужина, Вайда нырнула в чащу деревьев и меньше чем через час вернулась с довольной мордой, облизывая окровавленную пасть.

— Ну, хоть один из нас будет сыт, — улыбнулся следопыт и потрепал лисицу за ухо.

Та в свою очередь встряхнула головой, несколько раз облизала руку и, устроившись на снегу, принялась умываться.

Короткий день быстро подходил к концу. В борьбе суровых заморозков с обогревающими лучами солнца пока что побеждали первые. Из-за этого рыхлый подтаявший снег превращался в хрупкие кристаллы льда, которые с громким хрустом ломались под шагами идущего, замедляя его движение по тропе. В ногах накапливалась усталость, желудок поскуливал от голода — утреннего супа явно не хватало растущему организму на весь день, — а пояс для дичи оставался пустым.

Рейм знал, что стемнеет совсем скоро, значит, ему нужно возвращаться домой. В темноте особо не поохотишься. И всё же он не хотел возвращаться с пустыми руками, поэтому решил на обратном пути попытать счастья в ловушках. Путь к силкам лежал вокруг деревни и совсем недалеко от домов, так что проверять их придется одному. Местные жители — буквально все, кроме Ииды и Йорана — недолюбливали, а если быть честными, то вообще-то боялись Вайду, поэтому Рейм старался не подпускать ее к деревне. Похоже, лесная подруга это отлично понимала и никогда не напрашивалась в гости.

Старая травница рассказывала, что снежелисы — это дети нижнего предела, Нави, и они сильно отличаются от других животных. Они намного больше, умнее, хитрее обычных лис и хранят в себе множество тайн. По ее словам, их породил Шат — аспект путей, проводник мира духов. Кстати, она же подсказала подходящее для лисы имя, которое с языка предков Ииды означает "призрачная". Когда Рейм первый раз попробовал произнести имя Вайды вслух, она тут же подняла голову, наострила уши и с интересом наклонила голову, словно ее всегда так и звали.

Тепло распрощавшись со своей подругой, Рейм отослал Вайду в лес, а сам тем временем направился попытать удачу в ловушках. Витиеватая дорога, пролегающая между сосен и молодых елей, не заняла много времени, однако закат спешно угасал, вдалеке начали зажигаться деревенские огни, которые лишь укрепили намерения следопыта.

Первая ловушка, от которой можно было добраться до дома быстрее всего, оказалась пустой и нетронутой. Рейм не стал ее трогать и направился к следующей. Еще две ловушки были захлопнуты, чем разжигали надежду на сытный ужин в сердце парнишки, но оказались совершенно пустыми. Либо зверь был слишком крупным, либо птицы, пролетая, задели веревки. Повторно установив простой механизм, парень вместе со своим разочарованием на плечах побрел к оставшимся трем ловушкам.

К его удовольствию, уже в следующей петле он нашел взрослого, весьма упитанного кролика. "Ну наконец-то!" — воскликнул он про себя. Радостный следопыт быстро снял тушку, повесил ее за пояс на специально подготовленное крепление и продолжил дорогу в деревню, попутно заглянув к двум оставшимся "капканам". Кто знает, вдруг тут целая стайка завелась? Увы, оставшиеся ловушки были пустыми.

Войдя с противоположной от своего дома стороны деревни, Рейм двинулся по большой дороге, по которой изредка проезжали купцы или путники. Двигаясь вдоль редких деревянных изб и едва выглядывавших наружу землянок, он почти ни с кем не пересекался и не разговаривал, только кивнул нескольким жителям, которые приветствовали его скромным взмахом руки. Люди были заняты подготовкой к ночи: загоняли животных в сараи и амбары, складывали дрова на утро, проверяли защитные обереги, не забывая поправлять пышные вязанки полыни, и постепенно закрывали ставни на окнах.

Лишь некоторые любители переложить свой труд на кого-то другого оставались не при делах. За пару домов до жилища охотника двое таких отдыхающих, пошатываясь, перегородили Рейму дорогу.

— Здрав будь, охотничек, — добродушно начал говорить тучный мужичок с редкой бородкой, — никак добычу на стол несешь?

Юный следопыт учуял запах браги от говорящего и покосился на второго. Рослый, довольно молодой поселенец, икнув, слегка отшатнулся и вздернул подбородком вверх, как бы приветствуя парня. Видимо, он был более пьян и говорить уже не рещался.

— Сегодня лес не особо щедр, — парень чуть повернулся, показывая болтающуюся сбоку тушку, — может, завтра повезет больше.

— Нам с Олисом сегодня тоже не везет, — жалобно протянул тучный, — я утром так хребет надорвал, что весь день пустил на лечение, представляешь?

— А Олис, должно быть, тебе лечиться помогал? — невесело усмехнулся Рейм.

— Истинно так, — подхватил тучный, — у него ведь матушка самую крепкую брагу в деревне делает. Поделилась вот по доброте душевной. А как иначе? Всё по заветам предков. Ежели мы делиться друг с другом не станем, то совсем пропадем, и зима поглотит каждого, — поднятый указательный палец нравоучительно размахивал в воздухе, подчеркивая важность сказанного.

— Старая Иида говорит, что брагу кипятить надо и на больное место мазать, только тогда от лечения толк будет. А так лишь яства переводить почем зря.

— Много она понимает, твоя Иида, — недовольно заворчал Олис, — старуха уже давно рассудка лишилась. Ходит вон, с камнями говорит по вечерам. Как ее еще волки в лес не уволокли. — Трезвый голос совершенно не соответствовал его внешнему состоянию.

— Ну будет тебе, — успокаивающе похлопал Олиса по плечу тучный друг, а затем снова повернулся к Рейму, — мы сегодня ничего не ели весь день, вот он и сердит немного.

Рейм уже понял, к чему ведут эти двое, и попытался свернуть беседу:

— Так вы сходите к матушке Олиса. Коль она так добра, что брагой поделилась, то и в ужине не откажет. Я, кстати, тоже с утра ничего не ел, так что пойду я, — рыжеволосый охотник многозначительно указал на добычу и попытался обойти мужиков.

— Да ты не торопись, — тяжелая рука Олиса легла на плечо парня. — Матти хочет сказать, что ты нам очень поможешь, если отдашь своего кролика. У твоего охотника наверняка мяса полные подвалы, чего тебе за маленькую тушку трястись.

Гнев от услышанных слов начал быстро нарастать внутри Рейма. Он легко убрал плечо из-под увесистой руки и с холодом в голосе ответил:

— Нет у нас мяса в подвалах. Зима для всех была тяжелой. А все излишки мы раздаем нуждающимся.

— Так и мы нуждающиеся, — встрепенулся Матти, — я ведь истину говорю тебе, спина больная...

— А больной — что нуждающийся, — продолжил за друга Олис, делая шаг к Рейму, — поэтому мы заберем твою ношу и катись к своему хромому болдырю.

С этими словами он сделал резкий шаг по направлению к парню и потянулся к поясу, чтобы сорвать тушку кролика. Рейм встал боком, уворачиваясь от руки, и ощутимо толкнул детину в спину, но тот вопреки ожиданиям не упал, а лишь сделал пару шагов и развернулся на пятках. Видимо, он был намного трезвее, чем юноше показалось изначально. Тут подключился Матти и, схватив ворот тулупа, потянул к себе парнишку, попутно пытаясь завладеть зверьком, но Рейм перехватил его руку, а другой попытался отцепить толстые пальцы от своей одежды.

Олис, не теряя времени, подошел к сцепившейся паре и несколько раз приложил Рейма под ребра. Юноша громко выдохнул, и веснушки на бледном лице стали гораздо заметнее. Он немного осел в руках тучного Матти, когда заметил, как довольный собой рослый парень снова тянется к кролику. Рука юного следопыта непроизвольно скользнула к бедру, нащупывая рукоять ножа, и Рейм в мгновение ока резким движением полосонул тыльную сторону ладони обидчика.

Испуганный Матти, несмотря на свои габариты, довольно шустро отскочил на два шага назад, уходя из-под очередного удара, а Олис зажал порез на руке и волком уставился на блестящее лезвие.

— Ведьмовское отродье, — прошипел детина.

— Не надо, Оли, пускай он идет.

— Я этого щенка придушу, — не унимался уязвленный, — он мне кровь пустил, значит, и сам кровью ответит.

— Перестань, — умоляюще простонал Матти, — он просто недоросль.

Но Олис уже не слышал своего друга.

Он двинулся к рыжеволосому парню, попутно махнул раненой рукой так, что кровь попала на лицо Рейму, и тот на мгновение зажмурился. Этого мгновения хватило, чтобы пропустить удар пудового кулака по лицу. Сделав поворот, Рейм упал щекой на заснеженную дорогу и почти сразу ощутил, как на затылок ему опускаются тяжелые удары. Тучный Матти смотрел на это избиение, но никак не мог решить, стоит ли ему вмешиваться. Он никогда прежде не видел Олиса в таком бешенстве, и на его круглом лице мелькала растерянность. Юный следопыт беспомощно пытался закрыть голову, но беспощадные удары продолжали сыпаться, неизбежно достигая своей цели.

— Хватит, — низкий холодный голос прорезал темноту улицы. На какое-то мгновение показалось, что воздух стал густым и тяжелым, а ледяная пыль застыла под светом двух лун, не осмеливаясь прийти в движение.

Рейм открыл глаза, убрал одну руку от затылка и понял, что суматоха на улице привлекла внимание жителей нескольких соседних домов. В основном они стояли недалеко от крыльца, переглядывались друг с другом, наблюдали, но никто не хотел вступать. Лишь одна

худая фигура с широкими плечами приближалась к зачинщикам суеты, прихрамывая на правую ногу. Йоран-охотник.

— А вот и наставничек пожаловал, — злобно ухмыляясь, поднялся Олис над лежащим в снегу парнишкой, — хреновый из тебя учитель, раз не научил этого щенка манерам. Мне вот приходится.

Йоран посмотрел на раскрасневшееся лицо Рейма и снова перевел взгляд на говорившего.

— Смотри, что он сделал, — продолжал рослый парень, подняв окровавленную руку, — ты ведь знаешь, что кровь можно смыть только кровью. Так что не мешай.

— Он уже заплатил багровую цену, — охотник взглядом указал на лужицу крови, вытекавшую из носа Рейма, — этого достаточно. А ты иди домой и проспись.

Белки глаз Олиса налились пунцовой яростью, словно перед ним был не человек, а красная тряпка — бешеный бык. Хрипящее шипение полилось изо рта:

— Да кто ты такой, старик, чтобы мне указывать? — с этими словами он показательно пнул пытавшегося встать Рейма. — Ты больше не варт, не воин. Ты просто старый калека, который привел к нам этого проклятого байстрюка! Да ты же сам чуть не сдох из-за него. И жену, и дочь...

Слова погасли в глухом ударе. Рейм только что смотрел на Йорана, и вот он превратился в размытое темное пятно, а спустя мгновение, безвольное тело громоздкого верзилы Олиса, который превосходил охотника по всем параметрам, обмякло, словно тряпичная кукла. Закатившиеся глаза бессознательного тупого лица смотрели прямо на Рейма, а сверху, где теперь стоял охотник, послышался знакомый голос:

— Я сказал — хватит.

Лисий Хутор

Словно миниатюрный, остроконечный закат, обещающий своим алым цветом лютые морозы, маленький лист не смог удержаться под натиском холодных ветров, и, оторвавшись от белоснежных ветвей, устремился вниз, ознаменовывая начало осеннего цикла. Старый явор-клен на фоне высоких сосен и пушистых зеленолапых елей выделялся своим снежным стволом и красными листьями из общей картины. Возможно, именно это стало причиной для наречения дерева священным. Морозный поток ветра подхватил движущийся по спирали кленовый лист и направил его в сторону молодого тэна, который на своем верном пегом коне, двигался в направлении от восходящего солнца вместе со свитой.

Всадники неспешно проскакали по протоптанной дороге поглядывая, то влево, то вправо.

— Ты уверен, что нам в эту сторону? — за спиной всадника, идущего во главе отряда, прозвучал ровный голос черноволосого Мори, с густой бородой и угольного цвета глазами.

— Мальчишка сказал, что видел четверых мужчин с копьями и белыми перьями на голове, когда собирал грибы недалеко от явор-клена. На севере путь заканчивается скалистым побережьем, а в обратной стороне Молчаливое Болото, даже буревики не настолько безумны, чтобы ходить туда. Остается только Лисья Тропа, по ней и будем двигаться.

— Это всё так, — также ровно отвечал черноволосый, почесывая подбородок, — но мы уверены, что мальчишка видел кого-то? Обычно дикие кланы не подходят близко к деревням.

— Это был Исмо, — сказал молодой Аку, ехавший рядом с Мори.

— Где? — слегка растерявшись завертел головой всадник растрепав длинные волосы.

— Мальчишка, который видел буревиков, — пояснил Аку, — это Исмо — внук Ииды, нашей травницы. Он с малых лет бродит по лесам, помогает ей в собирательстве, так что глаз у него острый.

— Этак да, — подтвердил один из вартов, замыкающих строй, — я слышал, что родителей хворь прибрала, когда тот совсем зеленый был, вот его теперь бабка и воспитывает.

— Сплетничать в дозоре будете, — прозвучал сильный молодой голос всадника идущего впереди, — но ты прав, Аку. Сомневаюсь, что парень... Что Исмо мог спутать взрослых мужей с поваленной елью или стаей кабанов.

Мори задумался, потрепал себя за густую бороду и, чуть хлопнув ногами по бокам коня, подался вперед, чтобы поравняться с тэном.

— Ну хорошо, — не унимался он, — парень и правда кого-то видел, но я никак не пойму, что эти испражнения барнаклов могли здесь забыть?

— Вот найдем, тогда и спросишь.

— Ага, нальете меду, побеседуете по душам, — усмехнулся Аку, — может и жену себе найдешь наконец, хоть бы и среди дикарей. Всё лучше, чем в обнимку с козой засыпать, а Мори? — варты идущие позади весело загоготали.

— Вот уж избавьте, — возмущенно ответил Мори, — я с этими тварями разговариваю только на языке меча и топора.

По отряду из дюжины человек прошлись, как усмешливые, так и одобрительные звуки, после которых беседа на время затихла.

В следующий час всадники, немного ускорив свой ход, продвигались по тропе среди густых лесов практически без разговоров. Лишь перекидывались обыденными фразами о том, кто что видел, как хорошо было бы перекусить и как некоторые уже успели соскучиться по женщине, а один из вартов негромко пел какую-то неприличную песню.

Когда солнце поднялось на вершину своего невидимого дневного холма, наездники пересекали мост пролегающий между берегами реки Грядки. Массивное деревянное сооружение,

возведенное не так давно соседями из Лисьего Хутора, выглядело вполне надежным. Свежие бревна и доски аккуратно ложились друг на друга и почти не прогибались под весом воинов и их матерых скакунов. Силуэты проезжающих по мосту воинов отражались в ребристой поверхности воды. Растянувшаяся на много верст река стала источником чистой воды и пищи для нескольких поселений обосновавшихся недалеко от ее берегов, однако беспокойный нрав четко выраженный в особо узких местах, не позволял использовать речку для судоходства, поэтому мосты возводились регулярно.

Оставив бурную Грядку за спиной, лошади снова перешли на рысь. Крепкий пегий конь несший на себе тэна с самого утра, едва не скинул его со спины, когда внезапно взбороздил копытами по земле, зафырчал, начал дергать головой в разные стороны и поднялся на дыбы.

— Но, но, тихо Листок, — приговаривал ведущий всадник пытаясь удержаться в седле.

Другие скакуны также заволновались, но опытные варты быстро их успокоили. Наконец усмирив своего коня тэн встал боком к своим людям и поднял правую ладонь, привлекая к себе внимание.

— Спешиваемся, — сказал он тихо, но так, чтобы услышали все, — животные дальше не поедут, так что пойдем пешком. Коней привяжите к деревьям, с собой берем только мечи и щиты.

Не задавая лишних вопросов, каждый воин спустился на тропу и приступил к четкому выполнению приказа. Аку и Мори переглянулись, когда привязывали лошадей к небольшой березке, но ничего говорить не стали, Мори лишь коротко кивнул одобряя решение спешиться и для большей уверенности перепроверил полуторный меч висящий на поясе.

Пешее войско ступало по земле уверенно и осторожно. Каждый боец ощущал напряжение повисшее в воздухе, словно тот превратился в смолу, а молчание леса и полное отсутствие птиц только усиливали это неприятное чувство.

Густой лес усыпанный разнообразными деревьями и кустарниками постепенно редел, превращаясь в рваное сосновое полотно. Многовековые гиганты словно мельчали. Чем дальше воины продвигались вперед по тропе, тем более болезненный, потемневший вид приобретали деревья. Скоро дошло до того, что рыжие иглы хвои усеяли всю поверхность у подножия редких потемневших стволов, а когда деревья сошли на нет и уступили место перепаханному полю, на горизонте появился Лисий Хутор. Вернее то, что от него осталось.

Дома больше напоминали беспорядочно сложенную поленницу. Почти у каждой избы были выломаны окна и двери, их крыши оказались сложены внутрь, а большая часть стен рассыпалась на бревна, словно кто-то столкнул их друг с другом. Небольшое вспаханное поле оказалось вовсе не полем — деревенская площадь, покрытая золой. Тяжелая поступь крепко сложенного варта поднимала серую пыль у его ног, находя себе новое место на кожаных сапогах. Мори рассматривал пепелище по которому проходил и задумчиво поглядывал на разрушенные жилища. Затем он посмотрел на широкоплечего тэна идущего впереди и по его озадаченному лицу понял, что их мысли совпадают.

— Не похоже, что здесь был пожар, — наконец не выдержал он тяжести своих мыслей.

— Да, скорее они что-то жгли, на самих домах нет ни единой опалины. Они просто разворочены.

— Буревики?

— Они здесь были, — ответил Хеикки — еще один молодой варт из отряда. Он подошел к большому опаленному столбу и жестом позвал остальных. Дождавшись, пока тэн и еще несколько вартов подойдут поближе, Хеикки поднял длинное белое перо, отряхнул его от пепла и многозначительно выставил перед собой.

— Перо буревестника, — сплюнул на землю Мори, — проклятые барнаклы.

— Мы их выследим, поймаем и отправим к Нави, — юношеским не сломанным голосом проговорил Хеикки, — верно, тэн?

— Я так не думаю, — сказал глава отряда и кивнул в сторону столба. Аку сидел на корточках и что-то доставал из под внушительной кучи золы. Обугленный человеческий череп.

— Похоже местные не нуждались в защите, — Аку отбросил череп и немного повозившись достал оплавленный кусок металла в котором можно было различить вырезанный птичий профиль. — Буревиков поймали и сожгли на костре, думаю заживо. Участь достойная этих варваров.

— Я безумно рад, что в этой деревне нашлись достойные мужи, — прозвучал Мори над ухом у Аку, — но скажите мне тогда, какого лешего здесь случилось? Где вообще все жители? — Не получив ответа Мори добавил, — не нравится мне это.

— Мне тоже, — отозвался тэн, — идем в деревню, может найдем кого-то.

Через несколько минут воины вышли на небольшую улицу, где даже самые бывалые из них скорчились от представшей перед глазами картины и ударившего в лицо смрада. Протоптанные переулки были усеяны телами, хотя правильнее сказать частями тел, некогда принадлежавшим местным жителям и залиты безмерным количеством крови. Замершие в гримасе ужаса лица своими широко раскрытыми глазами смотрели куда-то в пустоту. Каждый поселенец Лисьего Хутора оказался навечно запечатан в этом уродливом мгновении смерти.

Варты осторожно проходили по влажной земле петляя меж разбросанных повсюду останков. Каждый новый след от тяжелой обуви превращался в маленькую лужицу, заполняющуюся грязной жидкостью с бордовым отливом.

— Да хранит меня Ильматар, — проводя черными глазами по остаткам бедствия, глухо говорил Мори, — кто мог такое сделать?

— Звери? — предположил Аку.

— Где ты таких зверей видел, что дома в щепки разносят?

— А людей ты таких много видел?

— Тоже верно, — мрачно проговорил варт.

— Мне дед рассказывал про редких медведей, — вспомнил Хеикки, — у них шерсть, что твой первый снег цветом, глаза красные, как рубины, а размером выше всякого дома вымахивают. Такая зверюга, если к нам забрела, то могла и избы сложить.

Впереди идущий варт приблизился к относительно уцелевшему телу и начал его разглядывать.

— Нанук, он же Ледяной Хозяин, — не отрываясь от тела проговорил тэн, — мне отец тоже рассказывал. Вот только... — в воздухе повисла тишина, когда глава отряда сосредоточился на нанесенной ране.

— "Только" что? — нетерпеливо заинтересовался Мори.

— Только нанук водится лишь за Белым Морем и здесь никогда не встречается, — тэн оглянулся на своих людей, — Эрно, подойди ко мне.

Невысокий мужчина внушительного возраста и такого же телосложения легко протиснулся между товарищами и направился к своему лидеру.

— Ты ведь тоже с моим отцом охотился?

— Угу, — кивнул Эрно.

— Посмотри сюда.

Некоторое время воины разглядывали мертвого худого мужчину и что-то обсуждали, затем перешли к соседнему телу с оторванными руками, перевернули его и так же принялись изучать. Похоже, что тела принадлежали отцу и сыну. Даже сквозь грязь и кровь, пропитавшие волосы, на обеих головах можно было заметить светлые локоны, а после того, как безрукого парня перевернули, стали заметны и общие черты лица. Наконец закончив обсуждения оба варта встали и повернулись к своим людям.

— Это точно был зверь, — начал говорить тэн, — рваные раны нанесены очень небрежно, словно в ярости, кости ломались сразу при ударе, такой силы хватит, чтобы развалить даже целый дом, а размер ран говорит о том, что каждый коготь был толщиной с кулак.

— И что это за животное получается? — прервав короткую тишину спросил Хеикки.

— А получается, — тяжело пробасил Эрно, — что мы таких тварей еще не встречали.

Над отрядом повис туман задумчивости. Кто-то перешептывался друг с другом, но в основном варты просто стояли и ждали дальнейших указаний.

— Жителей нужно будет проводить к праотцам, как полагается, — сильным, с легкой хрипотцой, голосом, начал говорить тэн, — двое из вас вернутся в Вороний Холм и соберут добровольцев в помощь. День еще длинный, так что к вечеру должны успеть. Оставшиеся, вместе со мной, пойдут по деревне. Разобьемся по двое. Нужно проверить остался кто живой или нет и есть ли какие припасы. Мертвым они уже ни к чему. Мори, ты идешь со мной.

— Как скажешь, Йоран — одобрительно кивнул Мори и направился к тэну.

Ночь скорби

Небо, словно пропитанное чернилами, медленно погружалось в бархатную темноту. Последние лучи солнца, окрашенные в оттенки спелой брусники и застывшей крови, цеплялись за зубчатые вершины сосен, прежде чем окончательно уступить место наступающей ночи. Холодный, пронизывающий ветер, несущий с собой запах прелой листвы и сырой земли, заставлял Лиити плотнее кутаться в старый шерстяной платок. Шестилетняя девочка, с испачканным лицом, деловито подметала двор, собирая опавшие листья в груды. Ее маленькие руки, привыкшие к работе, ловко орудовали метлой. При этом мысленно Лиити была где-то очень далеко от своего дома.

Она думала о том, как став маленькой птичкой пролетает между гигантских стволов вонзавшихся своими макушками в пепельное полотно небес; как смотрит вниз на неровно расчерченные линии полей и наделов, где копошатся простые элаты, полностью поглощенные своими земными проблемами, которые сама птичка оставила где-то там, далеко внизу, на недоступной для нее земле; и как пролетев за высокие остроконечные скалы она оказывается поглощенной темно-синим покрывалом великого моря, каждый стежок которого пронизан светящимся отблеском ярких, белогрудых облаков.

— Всадники! Всадники! — Пробегавший по деревне долговязый мальчик, известный как Тощий Матти, своими возгласами вырвал девочку из ее неземных раздумий.

— Как? Они же только недавно уехали!

— Да, но сейчас снова показались. Уже на пригорке.

— Наши? Все? — взволновано заинтересовалась Лиити.

— Наши, но только двое, — бросил мальчик и поспешил продолжить выполнение своих обязанностей выкрикивая сообщение.

— А есть конь в пятнах?! — крикнула девочка в спину.

— Да, — бросил из-за плеча юный глашатай и продолжил удаляться вглубь деревни.

Уткнув покрасневший кончик носа в любимый платок девочка ненадолго задумалась, но всего через пару мгновений глаза, цвета пихтовой хвои, расширились и маленькое круглое лицо озарила улыбка. Лиити отбросила метлу и спешно помчалась в дом. Распахнув двери избы, с грохотом от столкновения собственного тела о древесное полотно и криком "Вернулся!", она заметила, как Ирика — ее мать, подпрыгнула на месте от неожиданности и чуть не выронила тарелку из рук, несколько раз подхватывая ее на лету и снова едва не роняя.

— Айновы кости, Лиити! — возбужденно проговорила девушка взмахивая толстой косой, — Какой петух тебя клюнул?

— Вернулся! — улыбаясь повторила девочка, — папка вернулся! Тощий Матти сказал!

— Так, — сурово начала мать, — я уже говорила, что Матти старше тебя и ты не должна его называть, как деревенские мальчишки, — тут до Ирики начал доходить смысл слов дочери, — подожди, с чего ты взяла, что это отец? Варты же сказали, что их до завтра можно не ждать.

— Не знаю, но это точно он, — Лиити наскоком добралась до матери, взяла ее за руку и начала тянуть к выходу, — только у него Листок на коровку похож.

Оставив в покое деревянную тарелку и поспешно завернувшись в серую шаль Ирика последовала за дочерью и пару дюжин шагов уже была возле калитки. По влажной, от прошедшего недавно дождя, дороге к дому приближались два всадника. Вороной жеребец гарцевал вдоль заборов то и дело довольно пофыркивая и кивая массивной головой, что никак не мешало его наезднику с такой же смоляной гривой, как у своего коня, ровно держаться в седле и приветствовать местных жителей. Рядом, гораздо более гордо и спокойнее легкой рысцой шагал белый жеребец с большими черными пятнами на боках и шее. Он вез на себе сразу двух людей: крупного мужчину, в котором Лиити легко узнала своего отца, и совсем маленького

мальчика с необычным цветом волос. Мальчик сидел смиренно глядя куда-то вниз, он совершенно не обращал внимания ни на проскальзывающие мимо дома, ни на занятых хозяйственными делами жителей, ни на холодный ветер вздымающий его облепиховые волосы.

— Гляди тэн, тебя уже встречают, — сказал Мори, когда скакуны приблизились вплотную к забору и Йоран придерживая рыжеволосого парня начал спешиваться.

— Привет дядя Мори, — радостно замахала Лиити маленькой мозолистой ручкой.

— Привет, малышка, — с широкой улыбкой ответил Мори, — да ты с каждым днем все краше, есть в кого, а? — он кивнул в сторону Ирики и поздоровался с ней озорно подмигивая обеим. Девушка слегка наклонила голову в бок и улыбнулась черноволосому мужчине.

— И тебе здравствуй! Вижу ты и сегодня моего мужа в целости вернул, да еще и не одного, — изумрудные глаза блеснули в свете заката и указали на мальчика, который молча смотрел вниз и сидел на руках ворта.

— Кто еще кого вернул, — улыбнулся спустившийся с коня Йоран и охнул от неожиданности, когда ему в ногу врезалась маленькая Лиити.

— А я сегодня весь двор убрала, курятник почистила и даже помогла маме воды принести, — девочка, которую по началу смутил юный гость, задрала голову вверх так, чтобы глаза были направлены на щетинистое лицо родителя, но сама попыталась получше рассмотреть парнишку. К своему удивлению она обнаружила, что хоть взгляд мальчика и устремлен в ее сторону, сам он смотрел куда-то в пустоту.

— Надо же какая ты у меня умница, — похвалил девочку Йоран и постарался приобнять свободной рукой, — вы обе молодцы, — сказал ворт и легко поцеловал Ирику.

— Мне накрыть стол на пятерых, — девушка с легкой улыбкой и детским азартом своей дочери пыталась разглядеть лицо парнишки немного для этого наклонившись, но как и Лиити не встретила к себе никакого отклика.

— Боюсь, что нет, — ответил Йоран, — Мори нужно ехать к Вилхо и рассказать о... — ворт немного запнулся и покосился на рыжую макушку, — в общем ему нужно рассказать про деревню.

— Тэн верно говорит, — подтвердил Мори, — так, что увидимся позже, Ирика! Если повезет, то успею вернуться и отведать твоих вкуснейших яств.

— Я тоже буду помогать готовить, — оживилась Лиити.

— Вот как, — с преувеличенным удивлением ответил всадник, — и по дому помогает, и готовить умеет, еще и такая красавица растет, знаешь что, малышка? Когда вырастешь возьму тебя в жены!

— Ну не-е-е-т, — весело протянула девочка, — ты же старый, дядя Мори.

— Лиити! — притопнула ножкой Ирика.

— Устами дитя истина ложится, — усмехнулся Йоран.

Его товарищ в ответ легко рассмеялся и махнув на прощание рукой тронулся в сторону длинного дома.

Аромат свежей ухи из ряпушки, которую местные рыбаки выловил в Нижме только утром, разносился из печи по всему дому вызывая у Лиити неконтролируемое слюноотделение. Девочка сидела на скамье болтая ногами и деловито промывала горох. На коленях у нее стоял тазик с холодной водой, нещадно покусывавшей пусть и натруженные, но все еще нежные детские ручки, а рядом покоилась отдельная глиняная чаша. Лиити перекладывала чистый горох в отведенную посуду и периодически поглядывала на мальчика, который был на четыре, а может и на все пять весен, младше нее. Он тихо сидел на скамейке продолжая смотреть куда-то вниз. Казалось, мальчик боится, что если поднимет глаза, то увидит, что-то ужасное. Что-то, что видеть совсем не хотелось. "Рейм" — единственное, что услышала от него Лиити с момента приезда, когда Ирика мягким, успокаивающим голосом спросила его имя. На остальные вопросы он только кивал вверх-вниз, вращал головой влево-вправо или вовсе молчал.

Одаренная любопытством дочь варта подслушала разговор своих родителей за дверью. Не сказать, что она сделала это нарочно. Дверь на улицу слегка просела в последнее время, поэтому чтобы плотно ее закрыть требовались определенные усилия. Конечно сил у Йорана было с лихвой, но в этот раз он просто забыл их приложить. Так Лиити случайно превратилась в лазутчика и узнала, что деревню Рейма, как выразился отец, сравнивали с землей а родителей мальчика и других жителей жестоко убили.

Лиити вспомнила, как ей было грустно, когда она узнала об уходе бабушки к праотцам в прошлом году, так что она полностью, как ей казалось, понимала Рейма пережившего смерть родителей и старалась не докучать ему вопросами. Но любопытство раздирало девочку изнутри, она никогда еще в своей короткой жизни не видела людей с таким цветом волосом — оно и понятно, люди Калевалы почти все смуглые и имеют разве что разные оттенки черного на своих головах, но никак не волосы цвета моркови — и от того хотела побольше узнать про мальчика и его деревню.

Пока родители что-то тихо обсуждали в другом конце большой комнаты рядом с печью, из под полы вылез приличных размеров полосатый кот с объемной, местами сваленной шерстью и принялся тереться об ноги Йорана. Тот в свою очередь поднял массивную тушу и усадив себе на колени начал гладить. Рейм заметив движение в конце избы приподнял голову и стал с интересом рассматривать пушистое животное. Заметив это Лиити решила не упускать возможности заговорить с необычным незнакомцем.

— Это Вьюша, — как бы невзначай сказала она и покосилась на Рейма, — папа говорит, что он намного старше меня. Но крыс и мышей все равно отлично ловит. А у тебя есть кот?

Мальчик в ответ только покачал головой, но девочку это ни сколько не смутило.

— А куры у вас были? У нас целый курятник. — В ответ она снова получила меланхоличное покачивание морковной головы. — Домашних животных вообще не было?

Не получив ответа Лиити немного задумалась и промыв очередную горстку гороха посмотрела на Рейма. Мальчик, слегка приподняв голову, наблюдал за Вьюшей, который уже распознал на коленях Йорана и тихо посапывал.

— Хочешь погладить? — предложила она. — Он добрый, когда дома и совсем не кусается. Правда как-то раз сильно меня поцарапал, но мама сказала, что я сама виновата. Не надо было пытаться отобрать у него птичку.

Рейм слегка растеряно посмотрел в зеленые девичьи глаза и опустил голову как бы немного кивнув. Для Лиити этого было достаточно. Убрав тазик с колен на скамейку с другой стороны от себя, она вытерла о передник руки и помчалась к отцу. Спустя пару шепотков и кивков с серьезным видом, она сгребла сонного, мохнатого котяру в охапку и поволокла в сторону дверей. Учтя, что растянувшееся тело кота превышало рост девочки — задние лапы животного беспомощно тащились по деревянному полу — она его именно волокла.

Закинув передние лапы Вьюши на скамью рядом с Реймом, девочка приподняла его придерживая за мохнатые штаны на задних лапах и у кота не осталось выбора, кроме как взобравшись устроиться на новом месте. Усевшись на скамью, сонным прищуром желтых глаз, Вьюша посмотрел в лицо Лиити, встрепенулся всем телом громко захлопав ушами и принялся умыть мордочку. Увидев, что питомец полностью смирился со своей, определенно несчастной, бессонной, судьбой девочка положила маленькую руку ему на спину и начала поглаживать.

— Вот так, — сказала она погружая ручонку в густую шерсть, — попробуй.

Озадаченный Рейм немного подумав протянул руку и последовал примеру Лиити. Вьюша не выказывал никаких признаков недовольства, наоборот закончив умыться он опустился на скамью, поджал под себя передние лапы и тихо, мелодично замурчал. Мальчик на несколько секунд убрал руку, но видя довольное лицо девочки продолжающей окунать ладонь в густую шерсть на спине объемного кота, вернулся к процессу и слегка улыбнулся.

Ужин, помимо своей вкусности и чувства насыщения, принес с собой сразу два приятных момента. Во-первых, несмотря на волнения Ирики, Рейм не отказался от еды, а наоборот очень быстро покончил с первой порцией наваристой ухи поданной со свежей горбушкой хлеба, и с молчаливым удовольствием принял вторую. Во-вторых, мальчик хоть и оставался хмурым и молчаливым, вслух поблагодарил Ирику за вкусный ужин, после чего сразу вернулся к коту.

Пока Ирика убирала со стола, а Лиити ей помогала, Йоран большими глотками отхлебывал горячий травяной взвар.

— Может завтра? — спросила девушка сгребая глубокую миску со стола и скидывая в нее деревянные приборы.

— Завтра налит придет с самого утра, чтобы увидеть мальчика, — Йоран сделал еще один глубокий глоток из кружки, — я просто хочу знать, что с ним все хорошо.

— А Иида знает?

— Да, когда мы возвращались домой, я попросил Исмо передать бабушке, что загляну вечером, — Йоран посмотрел на маленького Рейма и перейдя на шепот добавил, — я хочу узнать, что за штука у него на руке?

Пара переговаривалась о чем-то еще, но Лиити отошла к сениям, чтобы набрать воды из ведра и продолжения разговора, к своему разочарованию, расслышать не смогла.

Закончив с травяным напитком Йоран поднялся на ноги, поблагодарил жену за вкусный и сытный ужин, подошел к скамейке и сел на корточки напротив Рейма. Рыжие волосы немного колыхнулись на дрогнувшей голове, но больше он никак не отреагировал. Йоран посмотрел, как спящий кот занял собой уже половину скамьи, а его пушистый бок свисает так, словно вот-вот сползет на пол. Детская рука очень аккуратно, стараясь не потревожить сон животного, плавала в глубоком океане мягкой шерсти. Варт улыбнулся и погладил кота по голове, отчего тот сильно зажмурился и уткнулся носом в передние лапы.

— Скоро будет холодно. Он всегда так закрывает нос, если чувствует непогоду. Тебе нравится, Вьюша?

Мальчик вполне отчетливо покивал головой.

— Знаешь, у моей хорошей подруги тоже есть кот, — начал Йоран и тут же увидел, как серые глаза с интересом смотрят в его лицо, — хочешь посмотреть?

Рейм немного подумал и отрицательно замотал головой в разные стороны.

— А еще у Ииды, так зовут мою подругу, есть большая и добрая собака. Она тоже очень мохнатая и любит облизывать лица гостей.

Мальчик снова с интересом посмотрел на мужчину, его явно прельщала возможность познакомиться с новыми животными, но он, кажется, боялся, что уйдя от Вьюши уже к нему не вернется. Лиити в этот момент устроилась на стуле за спиной отца и придвинула к себе кипу сушеной травы, украдкой наблюдая за разговором.

— Давай так, — продолжил Йоран словно угадывая беспокойства мальчика, — мы с тобой прогуляемся к моей подруге, ты познакомишься с ней и ее живностью, а когда вернемся, я обустрою тебе место рядом с печкой, — Рейм вопросительно посмотрел в черные глаза мужчины, — это любимое место Вьюши для сна, так что ночь он точно проведет с тобой.

От этой мысли легкая улыбка тронула узкие губы Рейма и он посмотрел на Лиити. Та в свою очередь несколько раз активно кивнула и отвернула голову так, чтобы отец не понял, что она их слушает.

— Хорошо, — тихим голосом отозвался Рейм и слез со скамейки выказывая свою готовность отправиться на вечернюю прогулку.

Вскоре после ужина, когда ночь за окном полностью опустилась на деревню, в ясном ночном небе загорелись ночные формы созвездий и две привычные луны: Дива и Дивис. Маленькая Лиити хоть и протестовала, что не хочет спать, а собирается дождаться возвращения отца и неожиданного гостя, поймав строгий взгляд матери отправилась в кровать и плотно уку-

тавшись в козью шкуру стала смотреть в не заставленное окно. Звезды, холодные и далекие, мерцали в вышине, словно бесчисленные свечи, зажженные духами предков. Их призрачный, негреющий свет, разливался по земле, превращая мир в призрачное царство теней и серебра. Сон уже опускался на глаза девочки, когда она увидела, как за окном промелькнул гигантский силуэт, на мгновенье перекрыв собой весь обзор из окна. Внезапно со стороны сеней послышался сильный грохот, а мирно дремавший Вьюша подскочил со скамьи с поднятой дыбом шерстью и превратившись в меховой шар зашипел глядя на дверь.

Изба травницы Ииды, как и полагается, встретила гостей тяжелым запахом разнообразной зелени. Повсюду, куда бы ни падал взгляд, виднелись пучки высушенных трав, свисающие с балок потолка. Полынь, зверобой, чертополох — каждый пучок был аккуратно перевязан льняной нитью, а под ним висела бечевка с повязанными узлами. Узел повязывался на определенном месте обозначая область применения растения и день заготовки. С приходом письменности южных народов лишь немногие в Калевале продолжали использовать узелковое письмо, однако травница была приверженкой старых традиций, поэтому намеренно избегала незнакомых символов, а всех желающих, если такие находились, с удовольствием обучала узлам.

Будучи человеком крепкого телосложения и приличного роста, Йоран, как всегда находясь в гостях у Ииды, больно ударился головой о балку, низко висевшую под потолком, и чуть не снес целую полку с какими-то глиняными флаконами. Чтобы сохранить избу в целости, он уместился на низенький табурет стоящий возле кровати, предварительно посадив Рейма на самую кровать, где как раз спал рыжий мышелов по кличке Тимьян. Вообще-то кота изначально назвали Тимошей, но учитывая род занятий Ииды не сложно догадаться, как название пряной травы заменило собой изначальное имя животного. Юнец был явно доволен встречей с очередным пушистым животным, но в отличии от меланхоличного Вьюши, рыжий кот не особо любил, когда его трогали. Быстро насытившись детской лаской, он поднялся с постели и легко спрыгнув на половицы спрятался под кроватью.

К побегу Тимьяна под кровать Йоран и Иида уже успели кое-что обсудить. Воспользовавшись удобным моментом травница подобрала подол льняного платья с расшивкой из закругленных узоров и петель, и заняла место кота рядом с мальчиком.

— Чтобы постель не остывала, — улыбнулась женщина и поправила тугой пучок волос на затылке.

— А где Лавр? — вспомнил Йоран о своем обещании показать собаку. — Во дворе мы его не видели.

— По лесу шатается небось, — отмахнулась Иида, — я его вечером отпускаю побегать вокруг деревни, а через пару часов он сам возвращается. Кстати должен был уже и вернуться, — задумчиво пробормотала травница.

— Может на обратном пути встретим, — варт постарался приободрить мальчика, увидев, что тот снова опустил голову.

— Тебя ведь зовут Рейм? — в ответ Рейм покивал почти не поднимая головы. — А меня можешь звать Иида.

Женщина сидевшая на кровати не ожидая какого-либо ответа протянула руку ладонью вверх. На ладони покоился небольшой, поблескивающий от света очага, желтый шарик. Заметив, что Рейм косится на руку с ее содержимым, травница пояснила:

— Это медовый комочек. Не обращай внимание на название, я на выдумки не сильна, но если положить его в рот, то почувствуешь приятный сладкий вкус. Я варю их для своего внука, он очень любит эти комочки и даже иногда таскает украдкой, когда думает, что я не вижу. Хочешь попробовать?

Серые глаза Рейма заинтересованно впились в угощение. Он нерешительно протянул руку и положил медовый комочек в рот. Разлившийся по языку насыщенный сладкий вкус показался очень приятным, отчего мальчик широко раскрыл глаза и замер, словно привыкая к новым ощущениям.

— А мне ты таких не давала, — как бы обиженно проговорил наблюдавший варт.

— А ты и ребенком не был, — парировала Иида, — сколько себя помню, вообще не меняешься. Должно быть родился с мечом в руке и размером с сарай.

К удивлению собеседников, Рейму очень понравилось замечание травницы и он открыто улыбнулся. Йоран посмотрел на детское лицо усеянное веснушками и подумал, что мальчику повезло, он достаточно мал, чтобы со временем отойти и возможно даже забыть о пережитых им ужасах.

— Так ты его осмотришь? — напомнил Йоран о цели своего прихода.

— Все-то ты торопишься, варт, — вздохнула травница, — нечего тут смотреть. Мальчик абсолютно здоров, заразы никакой нет, а волосы... — Иида словно обдумывала говорить следующие слова или нет, — волосы я такие и раньше видела. У южан.

Нелепо расположившийся на маленькой табуретке варт немного нахмурился.

— Я ведь его из Лисьего Хутора привез, — вкрадчиво говорил Йоран, — разве Боровы люди или Мораны уходят так далеко от своих земель?

— Это уже ты мне скажи, — спокойно отвечала женщина.

— Странное дело. То бурувики возле деревни, то южане на севере.

— Такие времена, — поддержала Иида рассуждения друга, — вокруг сплошные странности. Коли уж письмо их к нам доходит, да купцы товары везут, чего бы людям тут не поселиться.

— Кстати, может ты об этом что-нибудь знаешь?

Йоран аккуратно, но вполне уверенно поднял тощую детскую руку Рейма, отрывая того от разглядывания половиц, а затем также уверенно задрал правый рукав. На тыльной стороне предплечья у мальчика обнаружился очень глубокий, казалось довольно свежий, шрам. Две линии закрученные по спирали под прямыми углами переплетались между собой и образовывали необычный символ. Иида с интересом посмотрела на незнакомую отметину, но увидела только, как Рейм пытается вернуть себе руку. Травница положила ладонь на крепкую мужскую руку и немного надавила на нее снизу.

— Можешь отпустить мальчика, — сказала женщина и Йоран тут же разжал руку, — я не знаю, что это за символ. Он похож нарезы, которыми раньше пользовались Анты, да вот их значение мне не ведомо.

— Совсем ничего? — голос варта звучал слегка разочаровано, но травница лишь покачала головой.

Еще один вопрос готовился сорваться с языка Йорана, но выскочивший из под кровати Тимьян переключил на себя внимание всех находившихся в комнате. Мышелов одним длинным прыжком оказался у дверей ведущих во двор, выгнув спину дугой и оцетинившись начал издавать внутриутробное сдавленное мяуканье больше напоминающее непрерывный гул. Ошарашенные наблюдатели не успели ничего сказать, как с улицы послышались звуки схожие с падением срубленного дерева. Вернее нескольких деревьев разом. Йоран машинально потянулся к поясу, где висел меч.

— Будь здесь, — отдал приказ варт повернувшись к Ииде и увидел, что Рейм плотно прижимает руки ко рту, словно сдерживая тошноту. Не выдержав мальчик соскочил с кровати, упал на четвереньки и остатки не переварившегося ужина вместе с медовым угощением оказались снаружи.

Женщина падая на колени сорвалась следом, чтобы помочь мальчику. Она бросила встревоженный взгляд на воина.

— Что с ним? — обнажив свой клинок Йоран смотрел то на мальчика, то на дверь.

— Отравился видать, только не понимаю...

Иида не успела договорить, как раздался еще один грохот, ближе, чем прошлый.

— Помоги ему, — кинул варт и поспешил к дверям, но сделав шаг он замер увидев в уличной темноте окна какое-то движение.

Огромная мохнатая голова увенчанная оленьими рогами, которые больше напоминали раскидистые ветви дуба, показалась в свете Дивы и Дивиса. Морда зверя напоминала оленя и медведя одновременно, а окровавленная широкая пасть была усеяна несколькими рядами острых клыков. Горящие желтым огнем глаза что-то выискивали в темноте и в какой-то момент Йорану показалось, что чудовище смотрит прямо на него, но спустя мгновение оно ринулось в сторону и с той стороны снова послышался треск ломающейся древесины.

— Ирика, — выдохнул варт ощущая, как лезвие страха впивается ему между лопаток, — спрячьтесь где-нибудь! — Рывкнул Йоран и выбежал из дома плотно закрыв за собой дверь.

Тимьян успел проскочить вместе с тэном и покинул дом оставив травницу и трехгодовалого скорчившегося от боли в животе мальчика абсолютно одних.

Стремительным ветром выбежав на проселочную дорогу возле дома травницы Йоран увидел груды бревен, которая осталась от соседней избы. Мелкая рябь покрыла кожу опытного воина — он сразу заметил сходство с развалинами в Лисьем Хуторе, но худшее было впереди. На углу соседнего жилища бесновалась огромная тварь достигавшая в высоту никак не меньше двух саженей. Некоторые жители покидали свои дома не осознавая происходящее, кто-то остался под завалами, в одном из дворов загорелся стог сена быстро охватив пламенем деревянную постройку. Чудовище, видимо уже не в первый раз, направилось к дому травницы и в этот момент варт смог рассмотреть его вполне отчетливо. Массивное тело покрытое густой шерстью, напоминающей медвежью, было пронизано гниющими язвами; огромные, плотные мышцы перекачивались под шкурой при каждом движении; мощные лапы оснащенные длинными когтями оставляли глубокие борозды на земле. Глядя на этого монстра становилось понятно, что деревянная изба для него не более, чем шалаш из сухих веток.

И всё же приблизившись к жилищу Ииды, чудовище не снесло его в мгновение ока, как того следовало ожидать. Вместо этого оно бешено задергало головой и отскочило к очередному дому, который очень скоро превратился в обломки.

— Бегите в длинный дом, — кричал тэн указывая разбежавшимся в панике людям нужное направление, — быстро, быстро!

Сам он направился в противоположную сторону. Йоран понимал, что против такой твари у него нет ни единого шанса, но он не мог даже допустить мысли о том, чтобы оставить семью без защиты. Продвинувшись вперед совсем немного варт увидел, что монстр снова движется в его сторону пытаясь добраться до травницы, но за несколько метров до намеченной цели также в бешенстве отскакивает в сторону. Воспользовавшись полученным временем, Йоран убрал меч в ножны и проскочил к ближайшим развалинам. Оставалось только пробежать пол версты по дороге, однако истошный женский вопль заставил варта обернуться. Из загоревшегося дома выбежали кузнец и его жена с маленьким мальчиком на руках, они собирались отправиться за толпой, но монстр перехватил их раньше.

Кузнец Лойсс схватил горящую палку своими бычьими руками и начал махать ею перед собой. Огонь явно не нравился твари, она даже немного пятилась назад. Йоран посмотрел в сторону дома, где его ждали дочь и жена, и грубо выругавшись бросился на помощь семье кузнеца. Когда до чудовища оставалось не больше косой сажени, оно своей когтистой лапой выбило палку из рабочих рук Лойсса и следующим ударом распороло ему грудь. Очередной целью стала женщина с ребенком на руках. Она повернулась спиной к монстру стараясь защитить свое чадо собственным телом и зажмурилась в ожидании, но ничего не произошло. Отражающий мерцание огня полированный клинок сверкнул в воздухе и косым ударом опустился

на гигантскую лапу отрезая один из пальцев. Зверь взревел от боли и тут же отбросил варта в сторону махнув окровавленной лапой.

Каким-то чудом Йоран успел закрыться руками и почти не пострадал при падении. Рогатый монстр забыл о девушке и словно валун, скатывающийся со склона, стал увесистыми шагами подступать к воину постепенно ускоряя свой темп. Бежать было бесполезно. В последний момент Йоран сумел уклониться в сторону, монстр промахнулся и его когти оставили за собой глубокие следы на земле. Действовать нужно было быстро. На миг заметив уязвимую точку в боку, где у зверей обычно располагается сердце, тэн сделал выпад вперед по направлению к чудовищу, но тот, словно предугадав движение, резко повернул свою тушу в пол оборота. Не дав время опомниться массивная лапа ударила варта по бедру, и он повалился набок, чувствуя, как боль расплзается по телу. Чудищу оставалось только добить противника, когда поблизости послышался топот копыт. Всадники, вооруженные луками и копьями, выскочили из-за домов и окружили тварь, отвлекая ее внимание на себя. Знакомый вороной конь подскочил к Йорану и в тот же миг всадник оказался на земле рядом со своим тэном.

— Встать можешь? — спросил Мори и не дожидаясь ответа начал помогать воину подняться.

— Мне надо к семье, — задыхаясь проговорил тэн.

— Знаю, бери Ночку.

Подоспевший на помощь товарищ помог Йорану поскорее забраться на коня и когда тот уже приготовился к отбытию Мори заметил на сколько серьезная рана зияла на ноге тэна.

— Йоран! — крикнул Мори, но тот уже ничего не слыша помчался к своим жене и дочери.

Скача по широкой дороге, Йоран заметил несколько поврежденных домов, видимо тварь шла именно с этой стороны. Он начал опасаться самого худшего и в этот момент стали видны очередные развалин, которые совсем недавно служили убежищем для варта, его жены Ирики и восьмилетней дочери Лиити.

— Нет, нет, нет, — едва слышно говорил себе варт, подъезжая к развороченному забору и выломанной калитке.

Соскочив с коня прямо перед бывшим домом Йоран почувствовал, а кажется еще и услышал, как в ноге что-то сильно хрустнуло. Не в силах устоять он упал на живот и начал ползти к обломкам, надеясь, что ничего и никого среди них не найдет. Добравшись до развалин раненый варт уперся на здоровое колено и стал раскидывать части обвалившейся крыши. Он откидывал доски и куски настила подальше от себя, пытался добраться до низу, словно знал, где нужно искать. Наконец он добрался до одного из опорных бревен. Тяжесть древесины была неподъемна даже для здорового человека, не говоря уже о раненом. И всё же приложив титанические усилия Йоран поднял деревянную опору вместе с лежащими на ней завалами и откинул в сторону от себя. В момент, когда его глаза коснулись знакомого образа таких знакомых и красивых черт лица, варт пожалел о том, что ему хватило сил.

Под завалами в позе спящего на боку ребенка лежала бездыханная Ирика с неестественно прижатыми к полу конечностями, ее изумрудные глаза были наполовину закрыты, длинная коса прижата к ночному сарафану, а под сломанной рукой покоилась Лиити. Из раздавленной детской головы красной струей вытекала кровь, пачкая и пропитывая собой темные длинные волосы. Мир вокруг Йорана потемнел, стал беззвучным и полностью исчез, оставляя за собой только боль, пустоту и горе.

Пламя воспоминаний

"Надо же, как сегодня тепло" — подумал Рейм. Он поднес руку ко лбу и сильно шурясь посмотрел на золотой диск, уютно расположившийся в голубом полотне небесного океана. Парень опустил ладонь и осмотрел чистое поле. Бесчисленное множество колосьев ячменя и пшеницы, казалось, могли заполнить собой целый город. Широкие волны мягко прокатывались по солнечному покрывалу под дуновениями теплого ветра; где-то вдалеке виднелась полоса деревьев с пышными зелеными шапками и белыми стволами с черными шрамами на них; на другой стороне, возле широкого тракта он заметил темные силуэты работающих элатов. Элатов? Нет-нет, кажется в этой стороне их зовут крестьянами. "В этой стороне?" — мысленно сказал Рейм, — "но разве я не дома?".

— Рейм! — веселый женский голос вывел юношу из раздумий. — Ты чего обедать не идешь?

Повернувшись в сторону леса, откуда исходил голос, Рейм увидел самую красивую женщину в своей жизни: длинные пшеничные косы спускались на легкий расшитый сарафан до самого пояса, где сливались с настоящими злаками; чуть округлое лицо с мягким румянцем озаряла невероятно широкая, огибаемая пухлыми губами улыбка; а самыми удивительными были большие глаза серого цвета с голубым отливом.

— Мама? — удивился Рейм.

— Неужто тебя, милый, солнышко припекло, — девушка на секунду встревожилась и приложила изящную ладонь ко лбу мальчика, — не мудрено: зной-то какой сегодня. Айда в дом скорее, в сенях знаешь, как прохладно?

Мальчик положил руку ко лбу, все еще ощущая приятное касание мягкой ладони его матери, и обнаружил, что покрылся испариной. Он посмотрел на красивое лицо снизу вверх, а затем заметил, что колоски стали намного выше. Или это он стал меньше? Солнце и правда начало печь намного сильнее.

— А давай наперегонки? — озорным голосом предложила девушка. — Кто первый до калитки, тому большая тарелка.

— Но ведь и так очень жарко, — простонал мальчик.

— Верно молвишь! Так скорей до прохлады, пока солнце пуще палить не стало, — снова заулыбалась девушка и начала двигаться как бы готовясь бежать.

— погоди, — снова застонал Рейм, — так ведь надо подготовиться. Ты стоишь впереди меня! Давай встанем вровень.

— Ну хорошо, — улыбнулась девушка и остановилась боком освобождая место для сына.

Рейм неспешно подошел к матери, показательно потянулся и хитро улыбнувшись бросился вперед с криком "Догоняй!".

— Ах ты лисенок, — притворно гневаясь кинула девушка в след и тут же пустилась за ним.

Несмотря на незначительную фору Рейм оторвался довольно сильно. Молодые, сильные ноги несли его со скоростью рыси, не меньше. Он бежал вперед без оглядки и наслаждался тем, как горячий ветер дует ему в лицо, а танцующие колоски пшеницы хлещут по поясу, груди и плечам.

— Видно большая тарелка моя! — улыбаясь крикнул из-за плеча мальчик, но ответа не услышал. Рейм крикнул еще раз и чуть сильнее повернул голову вбок, а когда вернул в исходное положение, понял, что ветер становится таким же обжигающим, как и палящее солнце.

Он замедлил шаг, обернулся: за спиной никого не было, только сухое поле пшеницы и ячменя. Растущие злаки потеряли свой прекрасный золотой цвет и стали похожи на истощенные древки маленьких копий. Жар продолжал нарастать и Рейм понял, что причина уже не в

погоде. Рев жестокого пламени раздался из-за спины. Он обернулся. Всего секунда и вот огонь уже полыхает повсюду. Поле окутано диким палом, он неизбежно подступал, а языки пламени облизывали голые руки и ноги стараясь вцепиться мальчишке прямо в лицо. Схватить его. Поглотить в нестерпимом пламени и утопить в омуте пекла.

Рейм резко открыл глаза и сделал такой глубокий глоток воздуха, что дыхание перехватило. В избе было прохладно, огонь в печи практически угас, но юноша чувствовал, что его постель вся промокла от пота. Заставленные окна хранили за собой темноту — уже час совы, не раньше.

Чтобы убедиться в реальности настоящего, или скорее в том, что сон не имеет с настоящим ничего общего, Рейм встал с кровати, чтобы подойти к окну и приоткрыть одну из его створок. Снег всё также поблескивал в свете лун. Глубоко вздохнув он выпустил изо рта небольшой клубок пара и какое-то время наблюдал, как тот рассеивается.

— Не выстуживай избу, — прохрипел низкий голос откуда-то из темноты дома.

— Прости, — парень быстро вернул ставню на место и вернулся к своей постели. Он сел на кровать и потер лицо руками ощущая, что ему уже не так жарко. Опуская руки Рейм поставил локти на колени и уперся в ладони челюстью. Внезапно он вспомнил, что вечером вся нижняя часть лица была распухшей и, ожидая волны болезненных ощущений, слегка поморщился. Но боли не было. Он еще раз приложил руку к лицу и с удивлением обнаружил, что никаких следов побоев на щеках не прощупывается.

Прошло несколько часов, но Рейм так и не уснул. Сначала он подкинул немного дров в печь, затем ждал пока мокрая, успевшая стать ледяной, постель высохнет хоть немного, а потом просто ворочался без какой либо возможности погрузиться в сон. В голову лезли разные мысли. Что это было за поле во сне? Где он находился? Почему это место казалось ему таким родным и знакомым, если он там даже никогда не был? И самое главное — мама. Рейм много раз пытался вспомнить лица родителей, но у него это, конечно же, ни разу не получилось. Воспоминания и образы слишком сильно померкли за прошедшие весны. Тогда откуда этот образ? Была ли это его мама или всего лишь ночной морок? Слишком много вопросов оставалось без ответа.

К часу ящера, когда рассвет остался далеко позади, Рейм был занят тем, что точил стрелы из подготовленных для этого дела веток, которые Йоран чуть не пустил на топку. Идти сегодня куда-либо парень отказался. Смурное настроение после вчерашнего вечера никуда не делось и охотник не настаивал на выполнении бытовых задач. Он казалось и сам был слегка не в своей тарелке, видимо его грызло чувство вины. Как ни крути, а вымахавший Олис оставался для него всего лишь юнцом, которому удалось выжить в ту скорбную ночь нападения на деревню. К удивлению юноши, Йоран не придавал особого значения быстрому выздоровлению своего подопечного, а просто списал произошедшее на здоровый, молодой организм. Тем более, что свежие раны всегда выглядят страшнее, чем есть на самом деле.

— Йоран, — не отрываясь от будущих стрел начал Рейм, — я хотел у тебя кое-что спросить.

— Хм? — не отрываясь от заточки топора прозвучал охотник.

— Знаю, что ты не любишь об этом говорить, — юноша покосился на бывшего варта ожидая реакции, — но я хотел узнать про тот день... — парень немного замялся, когда почувствовал на себе суровый взгляд темных глаз, — ну, день, когда ты меня нашел.

Йоран коротко посмотрел на Рейма и невольно вспомнив трехлетнего забитого мальчика подумал, что тот и правда сильно изменился. Вымахал выше всех своих сверстников, лицо долгового юноши покрылось рыжим пушком, а суровые выдающиеся скулы показывали, что теперь парень ближе к мужчине, чем к ребенку. Опустив глаза охотник вернулся к плавным движениям точильного камня по холодному лезвию и всё же ответил:

— Я уже рассказывал: на твою деревню напал калбей, — при упоминании монстра Рейм сжал кулак и резанул по заготовке сильнее, чем хотел, — выживших, кроме тебя, мы не нашли.

— Эта тварь... Калбей. Как думаешь, он правда напал на Вороний Холм из-за того, что ты привез меня?

— Глупости, — с гневом в голосе парировал Йоран, — от Лисьего Хутора до нас не так уж и далеко, монстр просто искал чем поживиться. А нам..., — он выдохнул и тон сменился на более мягкий, — нам просто не повезло.

— Не многие в деревне согласны с тобой.

— Плевать мне согласны они или нет, — спокойно ответил охотник, — люди в деревнях всегда были суеверны.

— Да, тут ты наверное прав. — Юноша качнул рыжей головой и взял новую заготовку для заточки. — Я вообще-то хотел спросить о другом.

— М? — снова отозвался мужчина удивленный, что разговор не окончен.

— Вы ведь похоронили всех жителей возле деревни?

— Сожгли, — подтвердил Йоран, — копать могилы было слишком долго.

— А ты их видел? Моих родителей?

Йоран снова поднял взгляд на Рейма и немного подумав покачал головой.

— Не уверен. Да и какая теперь разница?

— Не знаю, — смурное настроение Рейма становилось всё хуже, — наверное это и правда не важно.

На некоторое время в доме повисла густая тишина нарушаемая лишь звуками скребущего ветки ножа и скользящего каменного звона заточки.

— Целым остался только твой дом, — нарушил тишину Йоран, — возле дома лежала молодая пара. Огромных размеров парень — думаю, это был твой отец — выше и шире любого воина, какого я когда-нибудь видел. Мне трудно было представить, что за сила смогла его уложить. У него были такие же необычные и яркие волосы, как у тебя. Цвета зимнего заката. — Рейм уставился на своего наставника и замер, словно боясь пошевелиться, а Йоран продолжал. — Рядом с ним лежала девушка, совершенно обычная с виду, стройная. Я почти не разглядел ее лица, но даже так мне показалось, что она была необыкновенно красивой.

— А волосы?

— Волосы? — охотник задумался и посмотрел в раскрытое окно затянутое бычьим пузырем. — Длинные. И светлые. Золотые, как осенние листья в начале месяца вэйлет. — Он не обратил внимания, как лицо Рейма расплывается в удивлении. — Мы сожгли их вместе с остальными.

— А где... — юноша собирался задать следующий вопрос, но его прервал стук в дверь.

Йоран отворил проход в дом и Рейм увидел, что на крыльце стоит взрослая женщина. Ее темный волос уже тронула седина, а на плечах покоилась увесистая домотканая шаль расписанная изображениями оленей и деревьев. За ее спиной понуро с ноги на ногу переминался здоровенный детина, в котором Рейм узнал вчерашнего разбойника. Юный следопыт с удовольствием отметил красующийся синяк под глазом на лице Олиса и сильно распухшую челюсть с левой стороны.

— Доброго тебе утра, Йоран, — начала женщина, — не откажешь в паре слов для меня?

— Здравствуй, Кайса. Проходи.

Рейм был уверен, что мать Олиса пришла к Йорану за извинениями, но она довольно резко велела сыну остаться и ждать на улице.

— Я у тебя прощения просить пришла за своего пустоголового отрока. Мне как соседи поведали, что вчера было, я мигом вытащила его из под шкур и силком к тебе потащила.

— Пустое, — слегка растеряно начал Йоран, видимо он тоже ожидал другого, — я и сам погорячился. Кулака не сдержал.

— Поделом ему, — настойчиво продолжала Кайса, — он без отца совсем от рук отбился, еще и с этим обалдуем дружбу водит. Они давеча почти все запасы браги стащили из погреба, да Лойсс бы его за такое так отделал. В общем будет ему урок. К тому же, — женщина немного понизила голос и положила руку на грудь охотника, — я ведь помню, что ты для нас сделал, мы тебе жизнью обязаны, а Оли наслушался всякой чуши и надумал себе невесть чего. Ты знай, зла я на тебя не держу, а благодарна до конца жизни буду.

— Кайса, — тяжелая ладонь накрыла собой руку женщины, — вы мне ничем не обязаны. Всё что было уже прошло.

Глаза у женщины заблестели и она слегка наклонила голову.

— Спасибо тебе, Йоран, — темно-синие глаза Кайсы посмотрели на рыжего парня сидевшего возле окна и вернулись к охотнику, — ты главное помни, дурного я о вас ничего не думаю. И других страшаю, чтобы слухи глупые не распускали. И олуха этого научу. Ты уж будь уверен. Он кстати тоже не просто так пришел: прощенья просить будет.

Рейм недоверчиво поднял голову, но перехватив на себе взгляд Йорана продолжил свое занятие.

— Не стоит, — мирно проговорил бывший варт, — просто передай ему, что всё забыто. Пусть зла на меня тоже не держит.

После ухода неожиданных гостей юноша не решился снова заговорить о своих родителях. По непонятным для него самого причинам Рейму не очень понравилось, что Йоран так легко всё простил и забыл, и парень даже чувствовал некоторую обиду за себя, хоть и осознавал, что особых причин для этого нет. Тем не менее он продолжал резкими движениями состругивать щепки с очередного деревянного сучка ощущая, как внутри нарастает яростное пламя гнева.

Через три недели, когда световой день стал заметно длиннее, а снег почти сошел на нет и превратился в одну из составляющих частей грязи, о недавнем конфликте в Вороньем Холме никто особо не вспоминал. Люди продолжали жить своей жизнью, а быт юного следопыта вернулся к привычной череде занятий. Хотя некоторое время его не покидало ощущение, что отношение в деревне к нему стало еще хуже, чем было. Особенно из-за разговора с налитом — местным старейшиной, который ничего не слушая назвал Рейма вспыльчивым мальчишкой и непрозрачно намекнул, что если не все, то как минимум большая часть бед в деревню приходит из-за него. В общем почти всё стало, как прежде.

Дурные сны так и не перестали преследовать юношу. Едва ли не каждую ночь он видел незнакомые ландшафты, золотые поля, жаркое летнее солнце и свою маму. Их общение в одном сне часто разнилось с общением в другом. То они весело бегали по полю, то обсуждали какие-то хозяйственные мелочи, то мама сама приносила еду и они устраивали свое скромное пиршество прямо посреди поля. Но в итоге все грезы прерывались одним и тем же: жутким пожаром.

Также часто, как о снах, Рейм вспоминал только о словах Йорана. Охотник видимо не придавал значения своим словам, но он никогда раньше не упоминал, что дом Рейма, тот самый родной дом в Лисьем Хуторе, остался цел. Ведь он до сих пор стоит там, а Рейм, за все тринадцать лет, даже ни разу не подумал о том, чтобы к нему сходить. Разумеется, на то, чтобы найти что-то о себе или своем прошлом не было даже надежды. Но это ведь родной дом. Место, где он родился. Место, где жили его родители.

Подгоняемый своими мыслями юный следопыт, зная, что дорога займет почти целый день, и это только в одну сторону, вынашивал план тихого побега. Конечно, он может просто молча уйти, но к вечеру вернуться домой не успеет, а значит охотник пойдет в ночь по следам парнишки. Мало того, что так он подставит Йорана под опасность — Лисий Хутор лежит далеко за оградой из полыни, — так и времени на осмотр жилища и разваленной деревни совсем не останется. Нет. Нужно было не только тайком собрать провизию в путь, но и выдумать причину, чтобы Йоран не пошел за парнем по следу.

Меньше, чем через неделю юноше помогла удача. После растаявшего снега и недели дождей солнце наконец твердо закрепило свои позиции и осушило землю настолько, что по охотничьим тропам снова стало возможно ходить без опаски увязнуть в грязи по колено.

— Завтра я выхожу на охоту, — заговорил Йоран накануне вечером, — в окрестности Молчаливых Болот.

Улыбка едва не выдала довольного Рейма. Он сразу понял, что это тот самый шанс, которого он ждал. Йоран иногда покидал исхоженные угодья и на несколько дней отправлялся глубоко в лес, чтобы поохотиться на крупную дичь. Своего подопечного он не брал по двум основным причинам: во-первых юноша был слишком молод и неопытен; во-вторых заходить за мешочки с полынью, служащие невидимым забором опоясывающим всю округу деревни, было небезопасно. Нечестивые твари заполнившие леса в последние годы, крайне редко нападали на путников днем, казалось, им не приятно находиться в свете солнечных лучей. Однако ночью ситуация менялась в корне.

И всё же юный следопыт не мог нагнать на себя тень подозрений.

— Может в этот раз пойдем вместе? — ответил Рейм.

— Нет.

— Но я уже давно не маленький и охочусь вполне прилично. Мешаться точно не буду.

— Ты еще не ходил по болотам, — Йоран оглядел парня и решил, что маленьким его и правда назвать уже никак нельзя, — пока рано. Местность опасная, много трясин. Если буду постоянно следить за тобой, сам где-нибудь увязну.

Рейм слегка заволновался, когда заметил, как Йоран на полном серьезе рассматривает его в качестве напарника по охоте, поэтому получив отказ выдохнул с облегчением, не забыв при этом сделать расстроенный вид.

— К тому же это далеко от полыни, — снова начал говорить охотник, — не хочу, чтобы ты притащил на себе какого-нибудь барнакла или криксу.

— Ты ведь носишь полынь на поясе и твари к тебе не липнут, — юноша уже получил отказ и теперь зная упрямство Йорана спокойно продолжал безнадежно его уговаривать, — я тоже могу зайти к Ииде и хоть все карманы травой набить.

Охотник, проверяющий всё необходимое снаряжение для завтрашнего выхода, снова посмотрел на Рейма и немного задумался. "Неужто согласится" — с опаской подумал следопыт. На мгновение ему показалось, что весь план может рухнуть, как нагроможденные друг на друга склянки старой травницы.

— Вообще-то ты прав. Я в твоём возрасте уже дежурил на башнях у доброго кининга и вступал в схватки с дикими племенами, — взгляд бывшего варта ненадолго замер глядя в сторону печи за которой хранился его меч, словно он раздумывал не взять ли его с собой. — Но всё же сейчас погода не та. Так что давай подождём до лета.

Рейма полностью удовлетворил такой ответ. Мало того, что Йоран признал его достаточно взрослым и опытным, чтобы наконец-то взять его с собой на следующую большую охоту, так еще и угроза над планом посетить родной дом полностью рассеялась. Утром он выждет пару часов, которые потратит на сборы и отправится в Лисий Хутор.

Письмо

«Здравствуй, милая Буреглазка!

Прежде чем перейдешь к чтению сего послания,ними с пустельги кольцо старшей ветви и отпусти ее на волю. Не тревожься — птица та крепка и ловка, она знает пути ветров и помнит тропы, что ведут к родным местам, так что сумеет сыскать себе пропитание. Прошу тебя, родная, сделай это сей же час, не мешкая. Пусть птица унесет с собой часть тяжести, что легла на наши плечи.

Надеюсь, ты так и поступила. Теперь другая, не менее важная просьба: как прочтешь письмо, сожги его немедленно. Не тяни с тем делом. Пламя должно поглотить каждую букву, каждый знак — так, чтобы ни единый обрывок не остался на земле. Боюсь, ныне мы не смеем довериться никому, кроме друг друга. Нынче слово может стать оружием, а письмо — приговором, потому молчание — наша единственная защита.

Если бы ты знала, как болит сердце мое, как ноет в груди, когда думаю о том, что встреча наша отложилась на долгие луны. Дни тянутся, словно зимние ночи, а сны мои полны образами тебя и остальных. Но состоится она лишь в том случае, ежели великие аспекты ниспошлют свою милость и позволят мне дожить до того светлого дня. Отвечать на это письмо не надобно — ты лишь навлечешь на себя опасность, куда большую, чем та, которой я сам подвергаю тебя. Но об этом позже. Сперва ты должна знать, зачем Великий князь Володар призвал меня и иных князей под свои стяги.

Когда Володар — славный властитель и глава правящей ветви Боровичей — созвал князей младших и старших ветвей, я решил, что над нашими землями вновь нависла угроза вторжения асварохов. Дума та казалась верной: в конце зимы у дикарей из Приволья объявился новый асвар. По слухам, в нем кипит молодая кровь самой Умай-эне — аспекта ветра, гор и степей, которому они поклоняются. Лазутчики доносили, что сей юнец свершил невозможное: впервые за последние три сотни весен все кланы асварохов объединились и пошли за своим вождем единой ордой.

Потому, размышляя так, я, прибыв в столицу, ожидал — а может, и желал в глубине души — выступления на Триллиум. О, аспекты, как давно я не ходил в военные походы со своей дружиной в поисках славной сечи! По пути я часто вспоминал, как в молодости мы бились у Каменного Брода, как поднимали стяги над Североморском. Меч мой скушает по делу, а конь рвется в бой. Увы, явь оказалась куда суровее моих ожиданий.

Князь Володар, собрав под своими стягами дружину из множества доблестных воинов и витязей разных ветвей, и правда велел направиться на юг, о чем и было сказано на первом снеме, — в сторону Триллиума. Но, достигнув края Танцующего Хребта, воевода Боровичей приказал обогнуть Танцующий Хребет и идти дальше на юг. Так мы ступили на дружественные земли Морановых.

Еще на снеме мне показалось странным, что добрый князь Радамил не был призван. Ведь он всегда был почетным гостем у Боровичей, да они с Володаром, буквально, выросли бок о бок, делили хлеб и чашу, вместе охотились в Лесных угодьях. А теперь мы получили приказ выжечь эти прекрасные земли дотла. Неудивительно, что Великий князь не открыл истинной причины на снеме: половина из нас, уверяю тебя, включая меня, отказались бы от этого похода. Но когда мы дали свое слово — отступить стало некуда.

Первой пала Чайка. Я, милая моя Буреглазка, оказался в авангарде и, ведомый клятвой верности, данной много весен назад, был вынужден совершать такие дела, после которых мне стало страшно смотреть на свои руки. Пальцы, сжимавшие рукоять клинка, дрожали, а сердце сжималось от боли, что до сих пор разрывает его изнутри.

Жители прилегающего к границам поселения даже не сопротивлялись. Да и с чего бы? Борово знамя никогда не несло им угрозы — напротив, они, верно, решили, что мы ступаем на их земли по приглашению Морановых, как бывало не раз до этого. Дети бежали к нам с цветами, старики кланялись, принимая неожиданных, но всё равно желанных гостей. Нам были рады. Вот только... Мы получили приказ вырезать всех жителей до единого, а жилища и постройки сжигать дотла.

Боюсь, я никогда не смогу забыть лиц этих людей — пораженных удивлением и внезапно накатившим страхом. Женщины закрывали собой детей, старики простирали руки к небу, моля о пощаде, а добрые молодцы один за другим ложились под натиском наших мечей. Черное золото досыта напилось кровью в тот день.

Мы — под "мы" я разумею себя и глав других ветвей — долго сомневались в отданном приказе, пытались его оспорить. Я лично говорил с воеводой, взывал к его чести, напоминал о древних законах гостеприимства и братоубийств. Но всё было тщетно. Воевода, этот напыщенный индюк, не осмелившийся признать абсурдность приказов, послал гонца напрямик в столицу. Тот вернулся на удивление быстро — с пергаментом, скрепленным верховной печатью. Думаю, не стоит объяснять, что вскрыв его, мы лишь получили подтверждение истинной цели нашей кампании.

Переполненные смятением, терзаемые вопросами о чести и законности своих деяний, мы продолжили путь — поступь гиганта, именуемая Боровой дружиной. Копыта коней топтали цветы на полях, дым от сожженных домов застилал солнце, а ветер разносил пепел по земле, словно прах забытых предков.

Через несколько дней опустошающего похода по землям Моранов мы достигли стен городища. Не знаю, помнишь ли ты, как мы гостили в этом чудесном месте, но поверь моему слову: Моранск стал еще прекраснее. Изысканные постройки с удивительной резьбой на деревянных сводах, редкие, но величественные каменные сооружения, торговые площади и целые ярмарочные ряды с самыми необычными товарами со всего Миридара и даже из-за моря. А какие там ремесленники! Да я таких умельцев за всю жизнь не встречал! Гончары создавали чаши, что переливались всеми цветами радуги, кузнецы ковали мечи, которые пели при взмахе, ткачихи ткали полотна тоньше паутины, ах как бы я хотел привезти вам хотя бы по одному этому изысканному платью.

И вот теперь всего этого нет. Город лежит в руинах, улицы залиты багровыми реками жизни невинных жителей, гул рынков сменила тишина смерти, а славные Радамил и Садко — четвертованы. Их останки были прибиты к воротам собственных роскошных палат. Я видел, как ветер шевелит пряди волос Радамилы, как мухи садятся на его лицо. В тот миг мне показалось, что сама земля стонет от боли, а духи предков плачут по всем нам из Нави.

Ты должна знать, Бурглазка, что в этом побоище я не участвовал. Конечно, я не ищу себе оправданий и тем более прощения, но всё же в сердце моем теплится надежда, что к концу этого письма ты меня не возненавидишь. Из-за того, что Ратиборцевы, Ткачи и наша ветвь держались впереди основного войска, Боров князь велел нам выступить в роли приветственного отряда. Хитрый лис, ведомый подлыми намерениями! Удивительно, как в его молодой голове мог родиться такой коварный план захвата. Как только мы получили указание, мне стало ясно, для чего нужно было убивать каждого жителя. Володар не хотел, чтобы Моранск знал о нашем приближении, а ветер словно послушный пес, сдувал дым от пожаров в сторону гор.

Я сам стоял у ворот городища и говорил от лица Боровичей. Из моих уст вылетала наглая ложь. Я уверял жителей, что мы пришли с миром, что Володар вскоре прибудет для празднования, что нас ждут пир и радость. Пусть великая Мара заберет мою душу в Навь за то, что я не предупредил местных о надвигающейся опасности. Наверное, в тот миг я просто

струсил. А может, что еще хуже, слепо верил в праведность своих деяний. Старый наивный дурак — вот кто я.

За добросовестное выполнение поручения, в котором мы убедили Моранск не закрывать ворота, дожидаясь появления в гости Его Светлости, нас направили на лучший постоялый двор в округе. Ты даже представить себе не можешь, с какой тяжестью на душе я принимал гостеприимство этих добрых людей, с каким стыдом в сердце отвечал на их улыбки и вкушал угощения. Хлеб казался мне пеплом, мед — горьким, а пряное пиво — прокисшим молоком. Я видел, как хозяйка дома, полная женщина с добрыми глазами, хлопотала у очага, как ее дочь подавала нам чаши. И знал, что не позднее, чем наступит вечерний час рыси, их дом сгорит, а они отправятся к предкам.

Как бы то ни было, худшее оставалось впереди. Да-да, милая моя, оказалось, что разорение мирных земель — это только начало. Начало конца.

Спустя несколько недель, когда мы оставили остатки Моранска во власти этого бездушиного дуболома Батура Яроча и вернулись в столицу, Володар не только отказался объяснять причины совершенных нами зверств, но и собрал новый снем, на который меня изволили не приглашать. Можно подумать, у меня нет своих глаз и ушей! Мои люди доносят, что в княжеских палатах идут тайные переговоры, что гонцы скачут во все концы земель, что кузнецы день и ночь куют оружие. И вот сегодня утром я узнал самое страшное: стяги снова будут созваны в ближайшее время, чтобы выступить на север. На наш север. Для присмотра и защиты от вольных кланов, как говорится в донесении. Можно подумать, я в это поверю!

Скорее всего, когда ты читаешь это письмо, княжеская рать уже вовсю готовится к новому походу. Наверняка, милая, ты уже осознала, что Володар лишился рассудка. Или, что еще страшнее, в нем заговорила иная воля — темная, древняя, что спит в крови правителей и пробуждается в час опьянения властью. Но пока на его стороне старшие ветви и вся дружина Боровых Земель вместе с призванными князьями, мы не сможем ничего ответить. По крайней мере открыто.

Теперь, дорогая Буреглазка, будь очень внимательно — и запомни каждое слово. Как только прочтешь последнюю строку и сожжешь письмо, сходи к нашему излюбленному месту за большим двором. Помнишь, как мы играли в «Ласточки на югу»? Нет сомнений, что ты всё помнишь. Там ты найдешь то, что укажет тебе дорогу.

Находясь в пути навести давнюю подругу — ту самую, что любит сказки про аспидов и драконов. Она поможет тебе обернуться в бабочку, и с ней вы еще раз сыграете в «Ласточек на югу». Ее род из тех, кто помнит древние пути между пределами, кто умеет прятать следы от чужих глаз и вести по тропам, что не видны обычным людям.

А теперь самое важное: оказавшись на клыках вепря, беги в сторону звезды, что закрывает собой пламя.

Не смею надеяться, что ты простишь меня за ту опасность, которой подвергаю тебя. Но, боюсь, у нас нет выбора. Молю тебя: сделай всё точно по моим указаниям и спаси наш дом. Спаси нас всех. Да пребудут с тобой великие аспекты Прави, да хранят тебя духи предков, да укажет тебе путь звезда черной зари.

Очень по тебе скучаю. Каждую ночь вижу тебя во сне: то ты смеешься у реки, то плетешь венок из полевых цветов, то смотришь на меня своими ясными глазами — самыми красивыми глазами по всей Яви. Эти образы дают мне силы идти дальше, не сломаться под тяжестью вины и не пасть духом.

Обнимаю сердцем, укрываю душой.»

Толстые пальцы лысого мужчины аккуратно свернули письмо и скрепили его новой печатью поверх сломанной старой. Затем он достал кусочек мяса из железной шкатулки и любезно скормил его красивой пустельге. Пока она была занята заглатыванием аппетитного кусочка,

мужчина приладил письмо к птичьей лапке, а затем подошел к окну и подбросил птицу вверх. Пустельга коротко вскрикнула и, поймав поток холодного воздуха, скрылась в сумерках.

— Лети, почтарка, — прохрипел он, потирая руки о край кафтана, — лети к своей Буре-глазке.

— Отдать приказ следовать за птицей? — раздался молодой голос юноши стоящего у дверей.

— Нет, не нужно, — не оборачиваясь ответил мужчина, — я уже знаю куда она полетит.

Горечь на Лисьей Тропе

Распрощавшись с Йораном, юный следопыт почти сразу приступил к сборам. Облачившись в длинную льняную рубаху, Рейм приладил нож к привычному месту на бедре, натянул шерстяную тунику с широкими рукавами и накинул на плечи старый дорожный плащ с металлической фибулой на правом плече. В заплечную сумку он сунул несколько черствых сухарей, краюху хлеба, немного вяленого мяса из подвальных запасов, а также горсть, оставшихся с осени, прогоркших орехов.

На Лисью Тропу следопыт вышел, сделав петлю через опушку. На это у него было сразу две причины: избежать случайной встречи с наставником, если тот, обнаружив, что забыл что-то важное, решит вернуться домой; и найти свою самую близкую подругу — Вайдю. Всё-таки надежнее и приятнее компании не сыскать.

Лиса-переросток, довольно быстро откликнулась на знакомую трель. По своему обычаю она радостно поприветствовала Рейма, уложив его на землю и изваляв в куче грязной прошлогодней хвои так беспощадно, что юноша еще целый час выковыривал из копны рыжих волос застрявшие там омертвевшие хвоинки. Самой же снежелисе оказалось вполне достаточно встряхнуть своим величественным, изящным телом, чтобы грязь, словно метательные дротики, разлетелась в разные стороны.

Пройдя по мосту через Грядку Рейм вместе с Вайдой покинули пределы поляны. Треть пути осталась за плечами и впереди ждали только лес, холмы и Лисья Тропа. Юноша немного прошелся вдоль берега и сделав большой глоток воды из бурдюка присел на корточки, чтобы наполнить его холодной водой из бурной речки, стекающей с далеких гор. Пока вода заполняла переносной сосуд для утоления жажды, Рейм немного огляделся. На илистом берегу, в паре локтей от себя, он заметил следы. Такие обычно оставляют гуси, утки или другие плавающие птицы, только эти были в несколько раз больше самого крупного селезня.

— Топилец что ли? — следопыт, не ожидая какого-то ответа, обратился к Вайде, которая мирно лакала воду прямо из речки. — Не знал, что они водятся так близко к деревне.

Закончив с набором воды парочка вернулась к мосту ведущему на дорогу к Хутору и Рейм ненадолго остановился, чтобы оглянуться назад. Никого не было. Только пустая дорога и мирно покачивающиеся от ветра деревья. Солнце стояло уже высоко, поэтому отбросив свои раздумья юноша вдохнул сладкий запах хвои и чистого воздуха, и отправился дальше.

Путь до Лисьего Хутора занял больше времени, чем рассчитывал Рейм, поэтому к разрушенной деревне пара необычных друзей приближалась уже в потемках. Видимо заранее подумав о предстоящей возможности преодолеть часть дороги в темноте, следопыт взял с собой один из домашних светильников и ловко орудя огнивом, зажег жировую свечу в деревянной коробочке, тем самым осветив себе дальнейший путь. Вайда, которая то и дело куда-то убежала, за пару верст до приближения к цели похода стала держаться недалеко от Рейма, но с возмущенным фырканьем и недоверчивым взглядом отшатнулась от вспыхнувшего освещения. Впрочем привыкла она довольно быстро и ее взгляд, также, как и взгляд юноши сосредоточился на удручающем зрелище.

Лисий Хутор предстал перед путниками печальной картиной разорения и запустения. То, что когда-то было уютной деревней, теперь напоминало поле брани: покосившиеся избы стояли с выломанными дверями и заваленными стенами; крыши многих домов провалились, оставив голые бревна стен торчать в небо, словно сломанные кости; в центре деревни чернело пепелище.

Исполинские следы когтей виднелись повсюду. Глубокие борозды на стволах вековых деревьев, вырванные с корнем пни, поваленные заборы. Проходя по этим завалам Рейм словно собственными глазами видел, неистовство калбея несущего ужас, кровь и смерть ничего не

подозревающим жителям. Казалось, что снежелиса его прекрасно понимает. Не отставая слишком сильно от своего спутника она то и дело принохивалась, утыкала черный нос куда-то в землю и утробно рычала.

Обойдя очередные развалины в поисках уцелевшего дома они остановились. Юноша открыл рот ощущая на языке соленое покалывание, а немного впереди перед ним появилось несколько дюжин парящих голубых огоньков. Они спокойно, размеренно двигались по проулкам, между разрушенными жилищами и вокруг них. Мягкое свечение исходившее от огоньков было каким-то неестественным — излучаемый свет не проливался на округу, а просто растворялся в темноте, не освещая ничего вокруг.

— Смотри, Вайда, — обратился следопыт к исполинскому зверю, — наверное, это блудички. Иида говорила, что их еще называют свечами покойников. Говорят, что это маленькие кусочки душ тех, кто отправился к праотцам неестественной смертью и их можно встретить только в час волка или совы. А Йоран всегда говорил, что это просто сказки. Хотел бы я сейчас увидеть его лицо, — тихо усмехнулся Рейм. — Как их здесь много...

Чуть опустив голову Вайда спокойно пошла вперед не обращая на блудичков особого внимания. С каждым ее шагом голубые огоньки расступались в сторону уступая дорогу. В итоге за Вайдой образовался небольшой коридор по которому легко можно было пройти, чем Рейм и воспользовался.

Пройдя очередную проселочную дорогу и оставив свечи покойников позади, путники наткнулись на свою цель. Среди бесчинства и хаоса стоял совершенно не тронутый, просторный с виду деревянный дом. Ни выломанной двери, ни провалившейся крыши, ни даже борозд огромных когтей не было видно на его стенах. Лишь беспощадная пелена времени коснулась пустого жилища, сделав его вид слегка обветшалым.

Долгое время Рейм смотрел прямо на уцелевшую дубовую дверь, не решаясь войти. Перед глазами, словно во сне, витала душераздирающая картина, на которой он видел двух мертвых людей: рослого, необычайно широкого в плечах мужчину с копной рыжих волос и юную, стройную девушку, чьи окровавленные волосы раскинулись по земле. Юноша понимал, что это всего-лишь его мысли обретшие форму, ведь сам он помнить это горькое зрелище просто не мог. И всё же боль в груди была настоящей. Слезы уже катились по его щекам.

Мокрый нос уткнувшийся в лицо привел юношу в чувства.

— Ты права, Вайда, — сказал Рейм протирая рукавом глаза и нос, — сейчас не время лить слезы по ушедшим.

Потрепав подругу по мягкому уху он сделал шаг вперед. Старый деревянный дом встретил незваных гостей тишиной и запахом затхлости. Скрипучие половицы прогибались под ногами, словно жалуясь на долгие годы забвения. Вокруг царил полумрак.

Большая кровать, когда-то украшенная вышитыми покрывалами, теперь стояла голая, с потрепанным матрасом и торчащими из него пучками сена. С потолочных балок свисала пустая бечевка — видимо раньше здесь висели пучки трав, как у старой травницы — на стенах, почерневших от сырости и минувших зим, висели какие-то обереги, и небольшие деревянные дощечки с незнакомыми знаками — некоторые уже прогнили, оставив лишь темные следы на дереве. У окна примостилась детская кроватка — такая маленькая и хрупкая, словно она была создана для игр, а не для сна. Сейчас бы Рейм точно в нее не поместился. Представив себе неуклюжую попытку уместить свое долговязое тело в эту крохотную мебель юноша невольно улыбнулся.

В другом углу, как и положено, высилась печь. Ее массивное тело покрывал слой вековой копоти, а на шестке валялись почерневшие от нагара горшки. Рядом уместился грубо, но очень добротнo сколоченный стол, на котором лежали несколько, покрытых плесенью, тарелок и пара глиняных кружек.

Пыль толстым слоем покрывала все поверхности. Следопыт не сразу заметил стоящую на столе маленькую, деревянную, резную фигурку. Взяв ее в руки Рейм поставил светильник на стол и стал пристально рассматривать. Это была искусно вырезанная из дерева лиса — ее грациозное тело было выполнено с удивительной точностью. Тонкие линии резьбы передавали каждый волосок роскошной шерсти. Особенно тщательно были проработаны мордочка и лапы: внимательный взгляд янтарных глаз-впадин, настороженные уши, аккуратные коготки на лапах. Хвост, увенчанный светлым кончиком, был слегка изогнут, словно зверь замер в движении. А самым удивительным оказалось ее состояние: если отбросить тот факт, что фигурка была покрыта многолетней палью, ее состояние было просто идеальным. Словно мастер закончил свою работу не далее, чем вчера. Удивительный кусочек дерева казался застывшим мгновением жизни лесного зверя, будто неведомый искусник сумел поймать и сохранить в дереве самую суть лисейей грации и хитрости. В предмете ощущалось что-то живое и теплое.

Почти не думая о своих движениях Рейм сунул фигурку за пазуху и продолжил исследование просторной избы. Он сам не знал, что ищет, но ему почему-то нравилось просто ходить по дому. Бродя из угла в угол и рассматривая каждую пылинку. Наверное он продолжал бы ходить до утра, но из раздумий его вывел знакомый рык перемешанный с твякующим клекотанием. Видимо терпение смиренно сторожившей вход Вайда наконец закончилось и она решила недвусмысленно о себе напомнить.

— Уже иду, — протянул Рейм и направился к выходу.

Однако выйдя на улицу он не встретил снежелису радостно утыкающуюся ему в лицо. Вместо этого она стояла к нему спиной, ошетилившись и продолжая рычать. Вайда уставилась куда-то в темноту редкого леса. Юноша постарался разглядеть, что видит она, но, в отличии от острого зрения хищника, его глаза были слишком слабы. Единственное, что он заметил, это два желтых горящих пятна, которые тут же скрылись в темноте. Показалось? Может и так, но волна мурашек всё равно пробежала по спине вызывая холодные покалывания на коже и неся с собой дурной вкус возникший на языке.

— Что там, девочка? Волки? Или просто меша*?

Вместо ответа Вайда чуть пригнулась к земле и полностью проигнорировав спутника, быстро перебирая лапами, направилась в другую от дома сторону.

"Наверное пока что лучше вернуться в дом", — подумал Рейм и начал движение в уже знакомое ему помещение. Однако повернувшись он внезапно столкнулся с чем-то большим. Сильная рука прижала его к дому и юноша почувствовал, как к его шее прижимается лезвие какого-то оружия. В тусклом свете жировой свечи, Рейм сумел рассмотреть до боли знакомые руки и одежды. Он поднял свой светоч и его серые глаза стали похожи на два маленьких озера.

— Йоран?

— Рейм? — почему то больше испуганно, чем удивленно ответил охотник. — Какого барнакла ты здесь делаешь?

— А ты? — не нашел юноша ответа лучше, чем глупое повторение заданного ему вопроса.

— Ты должен быть дома, мы же договорились, — голос охотника дрожал всё сильнее и никак не удавалось понять, причиной тому был гнев или всё таки страх, — зачем ты пошел за мной?

— Я не ходил, — поспешил оправдаться Рейм, — да ты же вообще ушел в другую сторону.

Охотник, отпустивший своего подопечного на секунду замер в изумлении раскрыв рот, а затем резким движением взял его сильной рукой за плечо, словно что-то вспомнив.

— Слушай меня, — очень серьезно, но спокойно начал Йоран, — у нас нет времени на разговоры. Сейчас мы должны уходить, и как можно скорее. Свети вперед и не отходи ни на шаг. Понял?

— Да... — запнулся Рейм, — а зачем...?

— Ты понял меня?

— Понял, — кивнул юноша осознавая, что это единственно правильный ответ.

Они сделали ровно так, как сказал охотник и спешно стали выбираться из деревни. Рейм постоянно крутил светильником и держался возле своего наставника, но так ни кого и не заметил.

— Ты не видел Вайду?

— За нее не думай, — тихо ответил Йоран, — она зверь лесной, не пропадет.

— Тоже верно, — согласился Рейм.

Хвойный лес впереди раскинулся мрачной чащей, где деревья словно служили стражниками и сторожили невидимые тайные тропы. Их черные стволы, увенчанные острыми иглами, тянулись к небу, создавая причудливые узоры в тусклом свете ночных небесных светил. Между древесными гигантами клубился холодный туман, стелясь по земле, как призрачные змеи.

Дива и Дивис, словно два бледных призрака плавающие среди редких облаков, повисли в небе, заливая лес тусклым, мертвенным светом. Их сияние придавало окружающему пейзажу неестественную, болезненную окраску, превращая тени в искаженные, кондовые фигуры. В этом призрачном освещении стволы деревьев казались колоннами древних построек забытых цивилизаций, а их кроны — сводами подземного царства. Только сейчас следопыт заметил, что лес необычайно тихий. Ни стрекотания насекомых, ни звуков совы, ни шелеста ветра среди кустов. Словно сама природа застыла в ожидании надвигающегося шторма.

Когда путники немного отошли от деревни, Рейм, продолжая осматриваться, заметил, как между деревьями промелькнула гигантская тень. Она двигалась бесшумно, словно призрак, но ее очертания были слишком отчетливыми для миража. Тень скользнула между стволами, оставляя за собой ощущение чьего-то недоброго взгляда. Эта тень была вдвое, а то и втрое выше снежелисы и самого Рейма, а ее силуэт напоминал нечто среднее между зверем и человеком.

— Ты видел? — тихо спросил юноша.

— Что видел?

Рейм не ответил. Он почувствовал, что воздух вокруг становится тяжелым, вязким и горьким. Округу наполнил такой смрад, что даже во рту стал появляться этот мерзкий вкус. Он продолжал нарастать с каждой секундой. Горечь. Отвратительная горечь поселилась на языке и никак не желала уходить. Наоборот, она всё усиливалась. Еще мгновение и горечь стала настолько невыносимой, что Рейму пришлось зажать рот и нос, чтобы его не вырвало.

— Подожди, — остановившись и еле дыша сквозь ладони, заговорил Рейм, — меня сейчас, кажется, вырвет.

— Соберись, парень, — охотник подхватил его за руку и попытался тащить, — нам надо идти.

— Ты что не чувствуешь?

— Чего? — удивился Йоран.

— Эту вонь. Этот мерзкий воздух.

— Да что ты такое несешь? Давай же...

Йоран не успел договорить. Он резко вскинул голову и увидел, как из вязкого тумана прямо на них, бесшумно и неотвратимо, метнулась огромная угольно-черная тень, увенчанная ветвистыми рогами. Она не бежала — она летела, едва касаясь когтистыми лапами прелой хвои. И в этой густой темноте горели два ядовито-желтых огня. Охотник знал эти глаза. Именно их он так часто искал в тенях лесов. За ними он столько весен ходил на большую охоту.

— Калбей... — тихо выдохнул Йоран и Рейму показалось, что в этом голосе он услышал не столько страх или отчаяние, сколько нечто схожее с благодарностью.

Тварь совершила длинный прыжок, закрывая собой небо.

*Меша — проклятый дух в облике небольшого черного и лохматого зверя. Он не может никому причинить вред, поэтому просто пугает людей по ночам.

Под железным небом

Заостренные пики частокола упирались в пунцовое небо, обещавшее в скором времени пролиться дождем на всякого, кто ступает по земле. Бревенчатый забор выстроился вокруг небольшого, но плотно заставленного города, известного как Верховинск.

Его узкие улочки были забиты сновавшими всюду жителями, приезжими торговцами и свободно разгуливающими животными. Влажные, растоптанные многочисленными прохожими дороги, пролегающие вдоль деревянных домов устремлялись к центральной площади, на которой возвышался удельный дом. Настоящая древесная крепость в сравнении со стоявшими, под его тяжелым взглядом, избами. Высокие стены в три этажа венчали островерхие крыши с флюгерами, вокруг простирался просторный двор, огороженный отдельным забором, на воротах красовалась искусная резьба, а над входом виднелся герб основателей Верховинска.

На щите обрамленном красной окантовкой — знак присяги знаменам Боровичей — виднелось зеленое полотно перекрытое сверху зубчатой, серой полосой. В центре нижней зеленой части виднелся желтый шлем из которого торчали раскидистые лосинные рога, а серую полосу украшала черная, восьмиконечная звезда в золотой окантовке.

На всю эту картину задумчиво смотрела молодая девушка с золотистыми, отливающими на свету бронзой, волосами, которые она небрежно собрала в копну на затылке.

— Вскоре отъезжаем. Станете тосковать? — вывел девушку из раздумий сиплый мужской голос.

— Даже знать не могу, — слегка улыбнувшись ответила она, — хоть я и росла в сем доме, но при месте себя никогда не ощущала.

— Понимаю, — возрастной мужчина скинул тяжелый мешок на телегу и вернулся к девушке, — и всё же наш владыко верно поступил, когда взял вас воспитанницей. Негоже ребенка без семьи оставлять.

— А как скоро мы отбываем? — девушка посмотрела на телеги стоящие в ряд и оценила их наполненность.

— Да, скоро. Только вы учтите, княжна, что путь долгий будет. Нам еще в Дальнелист надо заехать, потом в Зеленое, и только потом в столицу направимся.

— Сестрица моя — княжна, — недовольно ответила юная особа, — и ее сестры, а меня будьте добры по имени звать. И обращайтесь на "ты", — ее тон смягчился, — мне весьма неловко, когда сей возрастной и уважаемый торговец, как вы, так официально ко мне обращается.

— Как скажете... как скажешь, Мирина.

— Сестренка! — прозвучал издалика тонкий девичий голосок.

— Глядите-ка, а вас.. — мужчина запнулся под гневным взглядом Мирины и поспешил исправиться, — тебя провожать желают. Вон как торопится. Ну не буду вам мешать, — закончил торговец и отправился за очередным мешком.

— Сестренка, — запыхавшись подбежала, такая знакомая и родная Мирине, тринадцатилетняя девочка, — ой, Мирка, как хорошо, что я успела. Уж думала не застаю тебя перед дорогой.

— Янка, — удивленная девушка тепло обняла названную сестру, — тебя как матушка отпустила?

— А никак, — просияла широкая улыбка, — я сама убежала.

— Опять тебе нагоняй будет.

— Пускай, — Янка ослабила руки и отступила на пол шага, — коль сами провожать тебя не пошли, так еще и меня пускать не хотели. Собина — вредина, вообще грозила меня в

одрине запереть, мол нечего мне одной по городу шастать, будто я малая совсем. Вот и пришлось через забор лезть.

— Это кое-что объясняет, — Мирина с улыбкой указала на разорванный подол красиво расшитого платья.

— Подумаешь, — пожалала плечами Янка, — чего у меня платьев мало? И вообще, — девочка топнула о землю ножкой так, что грязные брызги чуть не долетели до Мирины, — что значит нечего? Мы ведь сестры.

— Единокровные.

— Глупости! — не унимались девчушка. — Пусть думают, что хотят, а для меня ты родная.

— Мне, сестрица, слова твои сердце греют, да всё же права Собиная. Ты хоть и не мала уже, а княжна. Негоже тебе одной по городу гулять.

— Ну а что делать, коли Савки нет? Так бы мы вместе пришли.

— Твоя правда. Ну ладно, Янка, — девушка, обнимая сестру положила руку на ее плечи, — ну идем тогда на скамейку хоть присядем, пока обоз загружают. Чего ногам томиться.

Задумчивая Янка сидела на скамье рядом с сестрой и болтала ногами, раскачивая грязный подол рваного платья. Она понимала, что с сестрой теперь увидится совсем не скоро и всё думала, почему ее родные сестры и матушка так плохо относятся к Мирине. "Ну и что, что у нас матери разные?" — рассуждала девочка про себя, — "Папка ведь один. А они ее вместо служанки гоняют".

— О чем думаешь? — Мирина наклонила голову пытаясь заглянуть в лицо своей сестре.

— Глупо это. Нечестно, — задумчиво объявила Янка.

— Нечестно? Что мне на телеге ехать придется? — попробовала догадаться Мирина.

— Да какая телега, — девочка подняла глаза и посмотрела на груженный разными мешками обоз, — хотя это конечно тоже. Но я другое думаю.

— И что же за думы у тебя в голове?

— Месяца не прошло, как батенька в столицу уехал, а матушка тебя уже следом отправляет, пока его нет. И зачем? — возмущалась Янка, — Учиться? Ты и так у нас самая умная. Можно подумать в родном граде знахарок нет, чтобы тебя ремеслу обучать.

— Есть конечно, — Мирина пыталась сгладить негодование младшей сестры, — но в Борграде меня буду учить волхвы и жрицы. Матушка говорит, что такой шанс раз в жизни выпадает.

Янка молчала, но ответ ее кажется не слишком устроил.

— А еще, весьма вероятно, что увижусь с батюшкой и Савелием, — подбадривающе продолжала девушка.

— Да, жаль Савки здесь нет, — немного оживилась младшая, — то есть конечно здорово, что он с папкой поехал, они там приглядят друг за другом, да только будь он здесь, матушка не решилась бы тебя отсылать.

— Твоя матушка такая же упрямая как и ты, — Мирина немного толкнула Янку плечом и улыбнулась, — так что вряд ли бы Савка как-то ей помешал, — златовласая девушка подняла глаза к небу и слегка задумалась. — А я по нему уже соскучилась.

— Я тоже, — услышав свои слова Янка округлила глаза и резко повернулась к сестре, — только ему не передавай, что я так сказала! Не хватало еще, что б он засмеял меня по возвращению. Вот стыдоба-то будет!

Мирина в ответ звонко засмеялась но всё же пообещала ничего не говорить брату. Хотя заранее знала, что это обещание она сдержать точно не сможет. Всё таки именно с этими двумя она нашла общий язык и с ними, не считая батеньки, провела большую часть своей жизни. Чего только стоят их совместные издевки, да розыгрыши над Собиной и Светланой, за которые они неизбежно несли наказания от матушки, но которые так сильно их веселили.

Правда, после прохождения пострига на одиннадцатую весну Савелия, он стал сильно взрослее. Девочки готовились встретить того же озорного парнишку, что подкидывал крыс в опочивальни старшим сестрам, но из леса вернулся совершенно другой человек. Он стал суровее, жестче и сильно отстраненнее. Вскоре Савелий стал готовиться идти по стопам отца, поэтому заметно отдалился от девочек. И всё же теплые отношения между ними никуда не делись, поэтому разговаривали они почти также часто. Правда темы теперь стали несколько иными.

Когда телеги были загружены и обоз приготовился к отбытию девушки стали прощаться. Еще раз крепко обняв сестру напоследок, Янка посмотрела Мирине в лицо и поняла, что ее необычные золотые глаза находятся слишком высоко. Удивительно, как сильно она выросла за последнее время, а ведь всего-то на пару весен старше.

Теплые прощания закончились смехом: Янка пообещала сестрам мед засолить или хотя бы гусениц подложить в постели. Мирина была благодарна младшей сестре за ее детскую непосредственность — так расставание стало намного легче.

— Ну что княжн... Э-э-э, Мирина, — готова отправляться в путь?

— Кажется да, — кивнула девушка сделав вид, что не заметила оговорки.

— Тогда извольте в нашу скромную повозку, — торговец толи издеваясь, толи абсолютно искренне низко поклонился и указал двумя руками на забитую разнообразными товарами повозку, — тут у меня мешки с крупой, разные ткани и звериные шкуры. Это конечно не яровские сани, но я постарался всё сложить так, чтобы тебе было удобно.

— Всё просто прекрасно, — Мирина с сомнением оглядела деревянный пол повозки и кажется уже начала скучать по мягким покрывалам удельного дома, но строгое воспитание глубоко врезало хорошие манеры в ее натуру, — благодарю от всего сердца.

Она довольно быстро забралась в телегу — кожаные штаны, в отличии от привычных платьев, сильно упрощали движения — и на сколько возможно, удобнее устроилась в углу поближе к вознице. Обоз медленно двинулся вперед. Успевшая промерзнуть за ожиданием приготовлений Мирина закончила махать рукой в ответ Янке, когда та стала размером с ноготь, а затем натянула на себя одну из шкур и спустя час езды в плавно покачивающейся повозке, сама того не заметив, мирно задремала.

Ее разбудили тряска и суета. Поняв, что проспала какую-то часть пути, Мирина открыла глаза и поспешила оглядеться.

Похоже, Верховинск остался далеко за холмами. Возвышающиеся флюгеры крыш удельного дома не пестрили на горизонте вращаясь под порывами ветра. Погода сильно ухудшилась: затянутое серыми тучами небо стало еще более плотным и тяжелым на вид, песнь ветра завывала между деревьями вдалеке от широкого тракта, а на лицо мелкими каплями заморосил кошой дождь.

Пытаясь выбраться из под толстой шкуры девушка отчетливо ощутила разницу между мягким набитым овечьей шерстью тюфяком и твердыми досками на которых она отправилась в путешествие. Всё тело затекло, спина приняла неудобную форму мешков, а мягкое место на котором Мирина привыкла сидеть, казалось, стало таким же плоским, как жесткий настил. К тому же, опираясь на борт телеги она посадила сразу две занозы.

Сложно было понять сколько прошло времени с отъезда, но она была уверена, что для привала на ночь еще слишком рано.

— Почему мы остановились? — спросила девушка поворачиваясь к возничему.

— Пока не знаю, — сказал мужчина из-за плеча не отрывая глаз от горизонта, — Евпатий пошел к ведущей телеге, чтобы проверить.

Долго ждать не пришлось. Еще до возвращения Евпатия стало понятно, что стало причиной остановки. Глядя в сторону первой телеги Мирина увидела, как из грязной дороги идущей вниз по склону, вырастает бордовое знамя с изображенным на нем диким белым кабаном вставшим на дыбы — герб Боровичей. Голову кабана с огромными клыками украшала корона,

а в одной из лап он держал меч черного цвета. Девушка вспомнила, как придворный ведун отвечавший за обучение Савелия рассказывал о правящей ветви.

«Аркадиус Борович, первый своим именем, прозванный в народе Свободным, заложил корень великой династии, чьей долей стало правление всем Миридаром. По сказам знающих, в те стародавние времена раздробленности и разобщенности, когда над живущими висела тень жадных до крови и золота огненных великанов, когда гиганты попирали пашины, а люди в поте лица своего гнули спины под их жестокой пятою, когда человеческий род Антов, казалось, был обречен на умерщвление и прерывание, явился оплот надежды.

Был Аркадиус тогда совсем юн и охотился в диких лесах недалеко от своего поселения. Семья его, как и вся округа, не видели хлеба седмицу, а двое из младших братьев вовсе не дожили до лета. Весна принесла за собой лишь неурожай и палящее солнце. Запасы с прошлого лета иссякли еще до наступления первых гроз.

Выслеживая дичь, будущий заступник рода наткнулся на взрытый дерн. Пройдя по следу он встретил лихо никем ранее невиданное: предстал перед ним белоснежный вепрь невообразимой стати. Высотой он был в десять локтей, но длиной во все тридцать, ряд массивных клыков выглядывал из пасти, а глаза горели живым пламенем. Знающие молвят, что это был не просто зверь. Сам Варахан — аспект воли, предстал тогда перед Аркадиусом. Посмотрел Великий боров на охотника и одним лишь взглядом велел ему следовать за собой. Юный мальчишка, коим тогда был первый правитель и основатель Борового Княжества, не посмел перечить аспекту.

Долгим был путь Аркадиуса. То и дело ему казалось, что белый кабан ведет его на погибель — волкам на растерзание или под свои тяжкие копыта. Но на исходе второго дня, когда силы почти оставили юношу, ему наконец открылась награда.

Посреди чащи, где в небо упирались древесные титаны, высилась черная башня, расписанная золотой вязью. Вокруг никого не было и юноша заглянул внутрь. Внутри той твердыни, которую позже прозвали Башней Черного Золота, Аркадиус нашел запасы яств и теплый ночлег. Вдоволь набив живот и набравшись сил он вышел из башни, чтобы благодарить своего спасителя перед тем, как собрать еду и отправится с ней к семье, но зверь в ожидании замер возле деревьев и снова указывал на дорогу. Оставив кров и сытость за спиной юноша вновь отправился за исполином. На сей раз путь закончился едва начавшись. Пройдя несколько десятков шагов меж деревьев, Аркадиус набрел на торчащий из земли черный камень высотой не меньше четырех локтей. Валун блестел в проникающих между кронами деревьев лучах солнца. Но стоило мальчику коснуться блестящей поверхности, как он отпрянул — таким лютым холодом обдало руку. То был не камень, но железная руда. Диковинная. Столь холодная, что даже трава вокруг была покрыта инеем в самый разгар зноя. Для будущего правителя, которого избрал сам Варахан, сразу всё стало ведомо. Он развернулся и упал на колени, чтобы поблагодарить аспекта, но тот растворился в воздухе, будто утренний туман.

Вернувшись домой Аркадиус поведал жителям деревни о своей находке и убедил их отправиться с ним. Долгие месяцы кузнецы да рудознатыцы бились над темным металлом, что нарекли черным золотом, но результат был выше всяких ожиданий. Вышло оружие славное: не тупилось, не ломалось, зубрин не цепляло и не отягощало своего носителя. Но что важнее, только оно могло навсегда забрать жизнь огненных великанов. Время притеснений окончилось в тот миг, когда Аркадиус поднял в свои руки Железную Волю — первый меч, что и поныне предано служит каждому Великому князю.

Так оголодавший юноша возглавил восстание против своих надзирателей и стал светом во тьме для народа Антов. Он сплотил многие кланы, изгнал угнетателей далеко на север и стал первым могучим и справедливым правителем, хранящим престол долгие и долгие годы. С тех пор династия Боровичей лишь множила свою славу, а их герб и фамилия напоминали, что сложившимся миром они обязаны Великому Аспекту воли и клинку из черного золота.»

Бывшие главы кочевых кланов приносили присягу верности перед верховным князем в обмен на земли и право жить по собственным устоям. Так помимо Боровичей появились их удельные земли: Мораново Княжество; Княжество Камничей, ныне слившееся с Балдарией; и Княжество Верхолесье, родом из которого была Мирина.

Конечно, девушка не верила, что сам Белый Боров, указал путь для далеких предков правящей ветви, всё таки это не более, чем легенда, но у нее не было никаких сомнений, что Боровичи обладают самой многочисленной и мощной армией на всей известной земле. И вот теперь часть этой непобедимой армии вооруженная топорами, мечами и копьями, движется в сторону ее родных земель с совершенно неизвестной для девушки целью.

Вечер опускался на столицу плавно, словно пепел осыпающийся после пожара где-то на небесах. Он оседал на последних батраков, крестьян и торговцев, которые как всегда возвращались за стены города до наступления темноты, пока главные ворота оставались открыты. Командующий лучниками на башнях ворот стрелецкий, махнул солдатам рукой и тяжелые деревянные створы в скором времени оказались заперты.

Борград тем временем продолжал жить. На широких улицах, исчерчивающих город неровными линиями, загорались факелы, даря тусклое освещение для всех проходящим по ним жителям. В тени, куда не доставал уличный свет, находили свое пристанище нищие, пьянчуги, блудницы, неизлечимо больные и мелкие отступники. Среди этой гниющей прослойки населения, избегая света быстрыми шагами продирался человек в темном плаще, чье лицо скрывал капюшон.

Он двигался перебежками от дома к дому и постоянно оглядывался, словно опасаясь, что за ним могут следить. Но всякий раз, всматриваясь в темноту переулков и тропинок незнакомец видел только пустоту. очередной раз метнувшись за плохо освещенный дом он услышал какой-то шорох и поспешил прижаться к стене бревенчатого дома. Разнообразные звуки главной дороги доносились до человека в капюшоне, но рядом сохранялась тишина. Немного помедлив он вышел из своего укрытия и собрался двигаться дальше, как вдруг ощутил сильный удар чем-то тяжелым прямо в лицо.

В глазах потемнело и он опрокинулся на лопатки. Капюшон слетел с головы и в мягком свете переулка стало видно, что под тенью плаща скрывалось лицо молодого парня.

— Да это ж юнец совсем, — проскрипел рослый мужчина, сжимавший в руках кистень, — ему и семнадцати весен нет.

— Не суть важно — отозвался второй, — нужно отвести его к вахмистру и всё поведать.

Юноша немного отошел от внезапного удара и постарался рассмотреть нападавших. Перед ним стояли двое вооруженных мужчин одетых в форму стражников Борграда. Он попытался перевернуться, чтобы встать, но очередной тяжелый удар по спине осадил его обратно в грязь.

— Веди себя смирно, целее будешь, — хрипло захихикал караульный с кистенем, — ставим его.

Напарник кивнул и подойдя к юнцу, они схватили его подмышки и начали куда-то тащить.

— Вы... вы хоть знаете к кому полезли, остолопы, — парень постепенно приходил в себя.

— Мы нет, — отозвался стражник с мечом на поясе и неприятно улыбнулся, — а вот вахмистр Владко верно разберется.

— Истину молвишь, — подтвердил первый, — ему весьма любопытно станет, что такой малец, как ты делал в скопе заговорщиков.

— Да вы никак ума лишились, — парировал юноша и понял, что говорит невнятно. От удара его челюсть сильно распухла. — Не был я ни в каком скопе. Отпустите, а? Меня батька небось ищет уже всюду.

— Эти басенки будешь нашему главе щебетать.

Полностью вернув контроль над телом юноша резко оперся на ноги, ловким движением вынырнул из рук солдат и толкнув одного из них в какие-то корзины, ринулся наутек.

— Не упusti! — рявкнул ворочающийся в корзинах мужчина с кистенем на поясе.

Но второй уже сорвался с места. Несмотря на тяжелую кольчугу, он оказался пугающе проворным. Расстояние стремительно сокращалось. Стражник нагнал беглеца, вцепился в край его темного плаща и рванул на себя с такой силой, что юнец потерял равновесие и больно ударившись рухнул на спину.

Тяжело дыша, преследователь навалился сверху, потянувшись левой рукой к горлу юноши, чтобы прижать его к земле. Темноту переулка распорол короткий свист, юноша воспользовался моментом и, выхватив спрятанный кинжал с черным лезвием, полоснул снизу вверх.

Лезвие с хрустом рассекло плоть и кость. Стражник истошно завыл. Отрубленные пальцы вперемешку с брызгами горячей крови упали на лицо парня. Откатившись в сторону, воин сдавлено зарычал и выругался такими грязными словами, что многие пьянчуги в корчме могли позавидовать его выдумке. Слепленный болью и яростью, он здоровой рукой выхватил с пояса тяжелый меч и наотмашь, всем весом, рубанул по пытающемуся встать юноше.

Удар пришелся прямо по руке, инстинктивно выставленной вперед. Послышался влажный треск ломающейся кости. Юнец не сразу понял, что произошло. Он лишь увидел, как его собственная кисть, всё еще сжимающая черный кинжал, глухо упала в грязь. А мгновение спустя его захлестнула такая волна агонии, что крик сам вырвался из груди, разрывая горло. Он рухнул на колени, прижимая к себе обрубок, из которого толчками била кровь.

— Какого лешего вы тут рев подняли?! Ох ты ж... — догнавший караульный с кистенем наперевес, осекся глядя на залитую кровью дорогу ведущую к улице.

Он замахнулся шипастым шаром на скулящего юношу, чтобы заставить его замолчать, но удар не достиг цели. Из густой тени за спиной стражника бесшумно выросла громадная фигура. Сверкнула широкая сталь. Удар был такой чудовищной силы, что рука с кистенем отлетела в сторону, как сухая ветка. Стражник лишь удивленно выдохнул, когда второй взмах широкого меча снес ему голову. Обезглавленное тело рухнуло в лужу.

Беспалый воин, всё еще воющий от боли, попытался поднять свой клинок, но широкое лезвие уже пронзило его грудь насквозь, пригвоздив к земле.

Незнакомец выдернул меч и шагнул в тусклый свет. Широкий стан с округлостью в поясе только добавлял массивности своему обладателю, светлые волосы были завязаны в тугой хвост, а лицо, заросшее аккуратной светлой бородой, пересекал глубокий шрам тянущийся от виска до губ. Мужчина быстро подошел к юноше и опустился на одно колено прямо в кровавую грязь

— Савелий... — с прорывающейся тревогой в голосе произнес он, — что с тобой?

Юный Савелий не в силах сдерживать слезы дрожащей рукой подвинул культю на свет, показывая, свое лишение.

— П-прости отец, — выдавил он сквозь стучащие зубы.

— Грязные свиньи, — прорычал мужчина. Он поспешно оторвал кусок от своего плаща, туго перетягивая руку сына, чтобы остановить кровь, и рывком поднял его на ноги. — Давай, сынок, нужно уходить, пока остальные не сбежались.

— Стой, — Савелий покачнулся, с трудом фокусируя взгляд на земле. — Кинжал...

Отец проследил за его взглядом. Он наклонился, с силой разжал мертвые пальцы отрубленной руки сына, забирая фамильный клинок. Затем отшвырнул окровавленную конечность

за высокий забор — подальше от лишних глаз и спрятав оба клинка, подхватил слабеющего Савелия под уцелевшую руку. Они растворились в ночных переулках Борграда.

Щит Рейма

Словно живое воплощение первобытного ужаса, туша калбея пронеслась над головами Йорана и Рейма, просвистывая когтями у них над макушками. Жалкое мгновение, в которое бывший варт успел среагировать и повалить Рейма вместе с собой на землю, спасло их от неминуемой гибели. После падения на край дороги юноша больше не мог сдерживать тошноту, из-за чего его вывернуло наизнанку.

Прорывая землю пудовыми лапами, монстр прокатился по тропе и, развернувшись, перешел к новой атаке. Йоран едва успел поднять топор и резким ударом снизу рассек калбею челюсть. От неожиданности чудовище задрало рогатую голову, поднялось на задние лапы, издавая звериный рев, и затрясло тяжелой шкурой. Двигаясь словно тень, охотник сумел зайти монстру сбоку и нанести удар прямо по сухожилию задней лапы. Калбей ответил незамедлительно — тварь в одно мгновение развернулась и ударила Йорана тыльной стороной лапы с такой силой, что тот отлетел на несколько локтей.

Монстр приготовился к очередному прыжку, но его отвлек неприятный укус — стрела вонзилась в область чуть выше шеи. Пылающие желтые глаза увидели шатающегося рыжего юношу, который готовился к следующему залпу. Судя по виду, Рейму стало немного легче. Он успел выпустить еще одну стрелу в морду калбея, но тот отмахнулся от снаряда, как от маленького, назойливого комара. Монстр заводил носом, жадно приносясь к воздуху со стороны юноши, издал утробный рык и на землю обильно закапали слюни. Калбей стремительно пустился к Рейму, тот совершил очередной выстрел, но стрела скользнула между ветвистых рогов. Не успев увернуться от острых, как лезвие булатного меча когтей, юноша получил четыре рваных раны на груди и отлетел на дорогу сильно ударившись головой о камни.

Пришедший в себя Йоран увидел, что монстр подходит к неподвижно лежащему на земле юноше, приносясь, словно лесной хищник, почуявший легкую добычу. Не обращая внимания на боль в ноге охотник поднялся и поспешил к Рейму. Он понимал, что не успевает. За эти несколько коротких мгновений Йоран впервые за последние тринадцать весен ощутил, как его вновь накрывает черная волна океана скорби. Он знал это чувство, знал, что не сможет от него убежать и не сможет ему сопротивляться. Бывший варт понимал: ему снова придется пережить утрату родного человека, которая будет съедать его изнутри до самого конца короткой или длинной, но такой бессмысленной жизни. С каждым мгновением пелена густого, черного, как смоля одеяла окутывала разум охотника и засасывала его в глубину одиночества и печали. Если бы у него только было чуть больше сил. Если бы он мог двигаться немного быстрее.

Огромная белая стрела, даря тонкий свет надежды, пронзила черные воды тьмы, в которых Йоран готовился захлебнуться. Вайда выскочила из леса словно молния, сотканная из самых светлых облаков и вцепилась в шею гигантскому чудовищу.

Спеша к Рейму, охотник с удовольствием отметил, что лиса смогла прокусить толстую шкуру и кровь монстра пролилась на землю. Калбей пошатнулся, делая несколько шагов вбок, но не упал — слишком большой оказалась разница в весе. Монстру удалось стряхнуть с себя снежелису и между ними завязалась звериная потасовка. Белым клубком вилась Вайда вокруг косматого чудовища, которое безуспешно пыталось достать ее когтями или насадить на свои заостренные оленьи рога.

С завидным проворством Йоран обогнул сражение по дуге и добрался до своего подопечного. На груди рыжего юноши зияли рваные раны. Вся одежда и земля под телом оказались пропитаны кровью. Охотник поспешил стянуть с себя верхнюю одежду и добравшись до льняной рубахи, разорвал ее на длинный широкий лоскут ткани, которым обмотал Рейма. Он слегка приподнял рыжую голову и почувствовал, как что-то влажное и теплое липнет к его руке. Юный следопыт приложился о камень слишком сильно.

Из-за спины охотника раздался жалобный визг, он обернулся и увидел, как фигура белоснежного зверя летит в его сторону. Через мгновение Вайда врезалась спиной прямо в рядом стоящее дерево, от чего то заскрипело, начав заваливаться на дорогу. Огромная лиса поднялась на черные лапы и глухо зарычала, искажая окровавленную пасть в злобном оскале. Животная ярость поглотила снежелису и, не желая сдаваться, она начала двигаться вперед. Прямо под падающее на нее дерево. Йоран схватил снежелису двумя руками за шею и остановил ее движение упершись в землю обеими ногами. Боль от старой раны стала ощущаться много острее.

— Тихо, тихо, — с трудом удерживая зверя говорил Йоран, — погоди пока.

Ствол молодой березы упал перед удивленной мордой Вайды, создавая собой небольшую преграду между монстром и его добычей. Отпустив лису Йоран залез в набедренную сумку из кабаньей кожи, достал мешочек с чем-то рассыпчатым и высыпав содержимое на древесную поверхность, он высек несколько больших искр при помощи огнива. Вспыхнувшее пламя быстро охватило дерево, а по воздуху разошелся запах разнообразных трав.

Готовившийся к очередному прыжку, калбей отпрянул от огня и замотав головой принялся рыть землю носом. Он бил лапами по воздуху прямо перед собой, словно пытаясь отогнать назойливых пчел, которые кружили вокруг него. С каждой секундой он отступал все дальше от пламени и поддавшись ярости нырнул в темную чашу леса.

Снежелиса собралась пуститься за монстром, но Йоран ее не пустил. Снова заключив ее шею в свои титанические объятия бывший варт принялся успокаивать зверя.

— Вайда! — наконец рявкнул он прямо в ухо беснующемуся зверю. — Успокойся! Ты нужна мне здесь. Ты нужна ему.

К удивлению охотника это подействовало. Снежелиса действительно успокоилась и подняла сложенные до этого уши пытаясь осмотреться по сторонам. Убедившись, что она больше не вырывается Йоран ослабил свою хватку и Вайда направилась к неподвижному Рейму, утыкаясь в него мокрым носом и облизывая лицо.

— Слушай, не знаю понимаешь ты меня или нет, но Рейм всегда говорит, что ты очень умная и внимательна к каждому слову, — будто в подтверждение словам охотника Вайда подняла мохнатую голову и своими рубиновыми глазами посмотрела ему в лицо. — Может они и правы... В общем так, эта тварь скоро вернется, а Рейм ранен. Ты должна отнести его домой. До-мой, — членораздельно проговорил Йоран, — понимаешь меня?

Вайда наклонила голову на бок и обойдя Рейма встала на дорогу глядя в сторону Вороньего Холма, а затем обернулась на говорившего.

— Да, умница.

Йоран потянул к себе брошенный заплечный мешок и достал оттуда толстую веревку, сплетенную из волокон крапивы. Он осторожно поднял Рейма и погрузил на изыщную, но достаточно широкую спину снежелисы. Аккуратно примотав тело юноши к мохнатому зверю, как обматывают собранный в охапку хворост, охотник еще несколько раз повторил Вайде, что ей нужно двигаться домой и потрепав ее по загривку отправил вперед по дороге.

Почти сразу после отбытия Рейма верхом, если можно так выразиться, сбоку из леса послышался громкий хруст ломающегося, под чьим-то тяжелым напором, валежника. Йоран снова снял топор с пояса и сжал его, как можно крепче.

Громкий, высокий голос раздался пронзительным криком, вырывая Рейма из предела туманных иллюзий. Он оторвал липкое лицо от шерстяного покрова и приподнял голову: маленькая Катри истошно верещала, глядя в его сторону. Рейм хотел сесть и что-то сказать, но еще до того, как девочка успела убежать, понял, что свободно может шевелить только одной рукой. Оглядев себя, насколько это было возможно, юноша понял, что теперь с Вайдой его

связывают не только узы многолетней дружбы, но и толстая плетеная веревка, закрепленная простым узлом. Он потянул свободной рукой за узел и тут же скатился бревном, больно ударившись о протоптанную поверхность дороги.

Вместе с болью от полученных ран в голове вспыхнули воспоминания о минувшей ночи. "Йоран", — тихо проговорил Рейм. Опираясь на снежелису, которая уже толкала тяжелой головой в своего друга, заботливо помогая ему подняться, Рейм с трудом встал на ноги и приложил руку к груди, где тугая повязка, пропитанная кровью, сдавливала ему ребра. Раненый юноша оглядел свою изодранную грязную одежду, приложил руку к липкому затылку, а затем взглянул на окровавленную пасть Вайды: "То еще зрелище. Неудивительно, что Катри испугалась".

В попытках понять, что случилось, Рейм осмотрелся вокруг: знакомые деревянные избы из, сложенных вместе, грубо срубленных бревен; вековые сосны вокруг деревни; жители, бродящие где-то вдалеке и погруженные в бытовые дела, которые, казалось, не обращали на странную парочку никакого внимания. Солнце одаривало Вороний Холм теплыми лучами, но холод пробирал юношу до костей. Не от ветра, а от пустоты внутри. Он ощущал, как от страха и бессилия перед накатившим ужасом его реальность трескается, словно старая кожа.

Страх гнезвился в груди, как выводок ядовитых змей: страх перед чудовищем, перед неизвестностью, перед собственной слабостью и перед пустотой, возникшей на месте единственного родного человека. Где-то в груди, глубоко под ранами, зияла ледяная пустыня. С каждой секундой размышлений холодная гладь внутреннего пространства разрасталась всё больше, поглощая собой любой намек на заполнение мыслями. Тепло, которое всегда исходило от мыслей о Йоране — тихое, надежное, как огонь в очаге, — исчезло. Остались только сквозняки и тревоги. Весь внутренний мир опрокинулся навзничь и разлил свое содержимое по поверхности жестокой реальности, выводя густыми чернилами в голове лишь один вопрос: "Что теперь делать?". Где-то глубоко внутри отдавался ознобом осколок стыда — крошечный, но жгучий. Рейм хотел бы снова броситься в лес, разорвать каждый куст, чтобы добраться до Йорана, спасти его. Но тело не слушалось. Оно стало чужим, тяжелым, словно налито свинцом. А страх, густой и липкий, обвил позвоночник и превратил ноги в недвижимые каменные столбы.

— Рейм, — юноша немного вздрогнул, услышав старческий женский голос, который он сразу узнал, — ты почему здесь?

Направлявшаяся в его сторону Иида подобрала подол тяжелого домотканого платья и, быстро просеменив, подошла к выделяющейся паре, стоявшей посреди дороги. Она взволнованно ахнула, оценив внешний вид Рейма и рассеянно погладила приветствующую ее Вайду.

— Великие предки, что же с вами стряслось? — удивленно спросила травница, но вместо ответа получила только опущенную голову Рейма. На дорогу, скатившись с подбородка юноши, упали несколько соленых капель. — Айда в избу, там всё расскажешь.

Пока Вайда уютно устраивалась на заднем дворе дома травницы, подмяв под себя стог старого сена, Иида почти силой заставила Рейма выпить взвар из разнообразных трав, которые должны были облегчить страдания юноши. К удивлению молодого следопыта ему и правда стало немного легче. Конечно, в голове он всё также держал мысли о том, что Йоран остался где-то там, наедине с безжалостным монстром, способным в одиночку перебить целый отряд умелых воинов, но теперь он также стал думать и о том, что охотник мог сбежать и сейчас идет следом за парнем. Он ведь не мчался всю ночь верхом на исполинской лисе, может ему просто нужно больше времени, чтобы добраться до дома.

Дом травницы стоял на отшибе, прижатый к лесу, словно боялся шагнуть ближе к людским избам. Рейм знал этот дом наизусть: каждый скрип половицы, каждую полочку, украшенную обилием разных склянок, аромат каждой травы, к которым он так до конца и не привык. Как и прежде поперек деревянных стен низко висели древесные балки, о которые он не единожды бился головой из-за своего роста, увешанные различными высушенными пучками

природных даров. Всё та же печь, та же кровать, те же самые деревянные табуретки и стол. Казалось, что в этом доме время затрагивает только его хозяйку, добавляя ей каждую весну новых морщин на лице.

Оставив глиняную чашку с отваром на печи, Рейм ощутил жжение шрама на правой руке. Вернее он ощущал его и раньше, но только сейчас обратил внимание. Он задрал рукав и уставился на необычный узор. Ничего. Ни царапин, ни крови, ничего, что могло бы вызывать ощущения выжигания плоти изнутри. Только старый шрам в виде рунической вязи.

— Ну как, полегчало? — поинтересовалась Иида, вернувшаяся с улицы.

Не дожидаясь ответа, она начала суетиться по дому и собирать какие-то вещи.

— Немного, — глухо ответил гость, — Спасибо.

— Дай-ка я на твои раны взгляну, а ты пока объясни старухе, что с тобой всё-таки стряслось.

— Мое глупое любопытство стряслось, — начал Рейм. — Вчера утром я ушел в Лисий Хутор.

Травница, снимавшая сухими и ловкими пальцами импровизированную повязку, на мгновение застыла и посмотрела в покрасневшие серые глаза с голубым отливом.

— Так, — кивнула Иида и продолжила свое занятие, — дождался, пока Йоран уйдет на охоту и шмыгнул тайком. И что там?

Рейм коротко, но не упуская важных деталей рассказал травнице обо всех предшествующих злоключениях. Когда он, с трудом пересиливая нарастающий ком в горле, закончил говорить о том, как на них напал монстр, то обнаружил, что сидит без одежды выше пояса. Взгляд опустил, чтобы рассмотреть полученные раны. Только юноша не назвал бы их ранами. Четыре неглубоких царапины, словно давно полученные аккуратные порезы острым ножом, легли поперек грудины и покрылись сухой коростой.

— А крови-то было, — удивилась травница не меньше самого владельца царапин, — я уж думала, что тебя тут наизнанку вывернуло.

— Как и я... — недоуменно пробормотал Рейм.

— Ну и славно, — проговорила Иида, промакивая царапины настойкой из боярышника. Рейм заметил, что ее старческие пальцы немного дрожат, — даже новую повязку накладывать не буду, обработаю только. Ты, кстати, нашел что-нибудь?

— Где?

— Дома. Ты ведь этот путь проделал не прогулки ради.

— Да, — тихо и виновато подтвердил Рейм, — но ничего важного. Только это...

Юноша поднялся с низкого стула и залез в заплечную сумку, пропитанную, как и вся прочая одежда, кровью. Он достал найденную дощечку с необычным символом напоминающим его шрам и протянул травнице.

— Почти такой же, как у меня на руке. Ты не знаешь, что это?

Иида некоторое время смотрела на дощечку, но довольно быстро вернула ее владельцу.

— Скажу то же, что и прежде. Это резы.

— Резы?

— Да, — Рейму показалось, что старой травнице неприятно говорить об этом, — южане такие символы используют в колдовских обрядах. Чаще всего темных.

— Но он ведь и правда похож на мой шрам?

— Не знаю, об этом лучше спрашивать у самих южан.

Рейм молча сунул дощечку с резой обратно в мешок и принялся одеваться. Закутываясь в свежую одежду, за которой Иида успела сбегать в дом охотника, пока юноша отпивался отваром, он заметил, что травница продолжает суетиться и собирает какие-то вещи.

— Иида, — непонимающе начал Рейм, — а что ты делаешь? Ты куда-то собираешься?

Старая Иида остановилась и как-то странно посмотрела на парня. В ее глазах читалась печаль смешанная с беспокойством.

— Боюсь, родной, что не могу приютить тебя надолго, — тяжело вздохнула Иида. — Вчера лихо не только тебя коснулось.

— То есть?

— Вчерашним утром, видимо в одно время с тобой, Олис ушел в лес, то ли за ягодами, то ли на охоту, но за целый день так и не вернулся, — травница завязала льняной мешок и приподняла пару раз, прикидывая его вес. — Мужики его к вечеру искать пошли и нашли, надо сказать, быстро, — Иида замолчала глядя в окно на мирно отдыхавшую Вайду.

— И что не так? — нетерпеливо спросил Рейм.

— Мертвый он был. Вся грудь разодрана, а горло перегрызли так, что голова едва на плечах осталась.

— Олис? — непонимающе проговорил Рейм. — Столкнулся с шатуном, видно. Но к чему ты говоришь об этом мне?

— Мужики сказали, что это точно не медведь.

— Возможно волки, рысь, да мало ли зверей в округе.

— Медведей в окрестностях уже больше десяти весен никто не видал, тебе ли не знать. Да и других опасных животных. Будто извели всех. Да и не убивают они так, — травница сделала сильный акцент на последнем слове. — Им ведь еда нужна, а Олис не был съеден или обглодан, его просто разодрали огромными когтями, а от шеи одним махом оторвали большой кусок. Ни у кого из обычных зверей нет такой челюсти. Тем более, что Олис был парнем крупным, сам знаешь.

— Иида, — растерянность, смешанная с гневом, подступала к груди Рейма, дополняя собой какофонию неприятных чувств, — что ты хочешь мне сказать?

— Наш налит собрал селян поутру и обвинил во всем Вайду. — Иида села на кровать возле печи и начала нервно разглаживать платье. — Мужики говорят, мол, это ты ее натравил, так и не забыл обиды за тот раз. Да и Кайса, понимаю, конечно, что она горем убита, но таких страшных вещей наговорила, мол они извиняться к тебе приходили, а ты на них чуть с кулаками не кинулся.

— Это же неправда! Да я с ними даже словом не обмолвился. Тогда Йоран разговаривал, и, мне хоть не понравилось, что Олис просто так ушел, но Вайда никогда не нападает на людей. Они не могут ее винить в том, чего она не делала, что за ахинея?

— Знаю, — активно закивала седой головой травница, — знаю, что ахинея и неправда. Да только они теперь за Вайдой охотиться станут, а помочь вам некому. Меня-то они слушать не станут.

— Послушают Йорана, — не сдавался Рейм.

— Йоран... Ты сказал, что на вас напала та же тварь, что и много лет назад. Честно признаться, я не знаю, когда вернется Йоран. Тебе сейчас о себе подумать надо.

От последних слов в груди юноши что-то сильно кольнуло, и всё же он не мог ничего сделать. Понимал, что старушка права. Но что за глупые мысли о Вайде? Она ведь никогда на людей не нападала. Да она даже близко к деревне не подходит, потому что жители ее боятся. Так же, как совсем недавно, испугалась Катри.

— Тогда я отведу Вайду в лес, а сам вернусь и буду ждать возвращения Йорана. Если к вечеру не вернется, то утром отправляюсь на поиски. Может даже из деревенских кто поможет.

— Нельзя, родной, — всхлипнула травница, — ты бы слышал, что о тебе на вече говорили. Налит сказал, что с тебя багровую цену взять должно. Бежать тебе нужно.

— Так чего мы здесь сидим, языками чешем? — серые глаза расширились от замешательства. — За нами ведь вот-вот придут.

— Успокойся, Рейм, — примирительно заговорила травница, — никто вас не видел. А Вайда на заднем дворе, там вокруг только забор, да кусты. Уйдете, как ночь наступит. Это опасно, конечно, но я тебе расскажу, как уйти правильно, чтобы бестии не приставали.

— Ты не поняла, — взволновано продолжал Рейм, — нас видели, когда я только очнулся.

— Как видели? Я сразу вышла, как вас с крыльца заметила, вокруг не было никого.

— Она убежала.

— Кто?

— Катри. Дочь плотника.

Морщинистое лицо травницы вытянулось открывая рот, в котором осталось меньше зубов, чем ногтей на пальцах.

— Что же ты сразу не сказал, — захохла Иида и, удивительно бодро для своих лет, соскочила со стула, — и я старая карга спросить не догадалась. Налит уже должен вартов собирать. Слушай сюда, Рейм. Быстро бери поклажу, — она указала на льняной тюк, который завязала ранее, — бегом на задний двор, забирай Вайду и уходи через лес.

— Куда?

— На юг, а потом по большаку на восток, в Сарнатан. В окрестностях поселения будет стоять дом, там живет давний друг Йорана, он тебя примет на время, когда всё объяснишь. Как доберешься, спроси, где живет Мори, его там многие знают.

— А как же Йоран?

— Когда вернется, я ему всё расскажу, — отрезала Иида, — а теперь давай, бегом собирайся и делай всё, как я сказала. Только суму нигде не бросай.

Рейм накинул старый охотничий камзол, расшитый кожей, схватил заплечный мешок и перекинул через голову лямку от льняной сумки собранной травницей. Быстро попрощавшись с травницей, он вышел на улицу и поспешил на задний двор. Когда Рейм разбудил снежелису и начал тянуть ее за собой, то услышал, как вдалеке деревни разносится лай собак. Похоже, Катри рассказала отцу о своей неприятной встрече.

Снем Восьми Углов

Огромный меч из булатной стали, словно небесный молот, обрушился на плечо незнакомца, прорезая себе путь наружу, прямиком через стеганный дублет, кожу, кости и внутренности бедолаги. В один короткий миг казненный оказался разделен на две неровные части. Искривленное от удивления и ужаса лицо застыло в гримасе, пока обмякшее тело заваливалось под ноги Великому князю. Темная кровь залила деревянный пол, доскам которого, судя по темным не отмывающимся пятнам, уже не в первый раз приходилось напиваться человеческим соком.

Властная фигура необъятных размеров нависала над скорчившимися останками, держа тяжелый меч одной рукой. Железная Воля — шедевр кузнечного ремесла, выкованный из слоев Черного Золота и самого лучшего железа Миридара, который создал ныне легендарный Микула Кузнец, семь с половиной сотен весен назад. Семейная реликвия передавалась в династии Боровичей из поколения в поколение и служила символом власти.

Члены княжеского снema, сидевшие за восьмигранным столом из черного дерева и наблюдавшие за казнью, старались сдерживать свои чувства. Получалось это далеко не у всех: даже одетый в военную форму рослый мужчина, участвовавший во множестве сражений, о чем говорили его шрамы на руках и лице, и видевший смерть с самых разных ее сторон, невольно поморщился, наблюдая, как из половинок тела вываливаются внутренности.

— Стража! — громовым голосом проревел князь. — Уберите отсюда это испражнение аспида.

Едва услышав приказ, двое дружинников, дежуривших возле входа в княжеские хоромы, подбежали к тому, что осталось от жертвы Железной Воли, и, собрав останки в кучу, поволокли их за дверь.

"Что же стало с тобой, мой князь?" — размышлял Родомир, служивший Знающим при Великом князе в течение последних шестнадцати весен, — "Неужто обезумел ты от власти? Али воистину видишь то, чего не замечают многие?"

— Предатель, — с отвращением проговорил князь Володар, наблюдая за кровавым следом, тянущимся за дверь, — поверить не могу, что я был так слеп и сам не разумел, как пригрел змею на груди. Правая Рука Князя, — он смачно плюнул на пол, — не бывает тому!

Закончив короткую речь, князь Борович убрал гигантский меч в ножны, которые издали характерный звенящий звук, после чего занял свое место на Пепельном Троне расположившемся во главе темного стола.

— Скорбно, что сегодня мы начали со столь неприятного дела, — заговорил князь, глядя куда-то вверх голов своих людей, — но заговорщикам не место в снeme. — Володар взглянул на самого молодого человека среди собравшихся и легко, но заметно кивнул ему. Получив ответный почтительный наклон головы он продолжил, — перейдем же к делам насущным.

— Изволь молвить, княже, — воспользовался короткой паузой округлый, светловолосый мужчина в богатых одеждах, — прошу не гневаться на ворошение, но разве можно начинать снем без Десницы? Покуда прошлый покинул нас весьма неожиданно, — он многозначительно посмотрел на лужу крови за спиной правителя.

— Не тревожь свою голову об этом, дорогой Злотояр, — правитель вовсе не гневался, отвечал почти по-дружески, словно казнь подняла ему настроение, — пост десницы пока останется пресечен, а все его дела возлягут на Перста. Осилишь ведь, Захариас?

— Не подведу тебя, княже, — мягким тоном отозвался взрослый мужчина с пышной, короткой бородой, сидящий первым за столом по правую руку от князя и в почтении наклонил голову, — великая честь быть одаренным твоим доверием.

— Так и порешим. Меда! — прогремел князь, и дворовая прислуга тут же подала украшенные затейливым орнаментом бронзовые чаши правителю и всем сидящим за столом. — Есть вести с Морановых земель?

— Моранск, вместе со своим портами, целиком наш, княже, — отозвался покрытый шрамами мужчина в военной форме.

— Это я и так ведаю, — спокойно ответил Володар, — сам отдал указ его взять. Что другие порты?

— От них свежих вестей не поступало, княже, — воевода, сидя на стуле, виновато выпрямился, — и Ласточкино Гнездо, и Теплая Заводь держат осаду по сей день. Я слышал, что несколько юнцов из ветви Морановых успели сбежать и осесть в одном из городов, но заверяю тебя, Великий князь — долго они не протянут. Мы отсеки оба града от торговых путей, а значит, провизия вскоре иссякнет.

— Направь еще два отряда тяжелой конницы. Железное море должно быть у меня под рукой уже в скором времени.

— Мудро ли это, княже? — заговорил Перст. — Место Черного Клинка на мне не лежит, и уж тем более я не столь сведущ в военных вопросах, как наш могучий Верислав, но верно ли спешить и так бросать так много сил на побежденного врага? Ведь по взятии Моранска часть глав старших ветвей вместе с полками воротились в родные земли.

— Есть правда в твоих словах, мой друже. Не глядя на то, что я ценю твои подсказки, ты всё ж таки не Черный Клинок. Верислав Верный, — правитель обратился к мужчине в шрамах, — ты получил фамилию за преданность своему делу, и по сей же причине назначил я тебя воеводой главным, так что ты скажешь по моей думе?

— Мудрый Перст мною уважаем, княже, — воевода кивнул Захариасу, — и тем не менее говорю тебе, что волнения его напрасны. Наша конница в походе не слишком измельчала, а стойла регулярно пополняются по воле Златника, да его угодий. Верю, что уход еще двух сотен всадников не сделает твою дружину слабой.

— Добро, еще один вопрос порешали, — князь сделал очередной глубокий глоток из своего кубка, — Злотояр.

— Слушаю тебя, княже — почтительно отозвался светловолосый мужчина, сидевший вторым по правую руку.

— Как у нас с казной? Не оскудела ли после оплаты дружине?

— Отнюдь, дела идут в гору, княже, — слегка высоким голосом ответил Златник. — Как мы и ждали, Моранск — центр морской торговли, оказался весьма богатым городищем, что хранил в себе множество ценных камней, серебра и золота. А разграбление деревень помогло сильно урезать траты на содержание полков. Помимо того, скажу, что Северная Балдария чтит прежние связи Камничей и исправно ведет торговлю с нами.

— Нехай ведут, пока могут, — проговорил князь прямо в кубок и сделал очередной глоток, — но об этом пока рано. Дождемся вестей по Гнезду и Теплой Заводи.

— Мой Князь, — с легким акцентом проговорил молодой мужчина с черными вьющимися волосами и взволновано улыбнулся, — прости мое любопытство, верно ли я понял, что Великий князь намерен прервать торговые отношения с балдарами?

— Ах точно, — Володар посмотрел на говорящего словно только что вспомнил нечто важное, — Октавиан, ты ведь тоже балдарин. Сердце заболело о своих?

— Вовсе нет, Мой Князь, — парень постарался улыбнуться более естественно, — я давно покинул Лапидиум и не питаю любви к народу, что не признал моих притязаний. И всё же я attonitus, то есть удивлен, что ты желаешь отрубить столь выгодный золотой карман.

— Ты славно выказал свою верность, мизгирь, когда поведал об этом изменнике, — князь качнул головой куда-то за плечо указывая на свежее напоминание о казни. — Но отношения с соседями, хоть торговые, хоть любые другие, тебя заботить не должны. Для того у меня есть

Зеница, — князь указал на полного лысого мужчину, занимавшего стул по левую сторону от трона, — и Златник, — рука указала на светловолосого Злотоаяра. Ты же, будь столь добр, продолжай свое дело внутри моего двора.

— *Quaeso mihi ignosce*, прошу мне простить, — Октавиан еще раз улыбнулся, глубоко наклонил голову и взялся за кубок, чтобы запить неловкость.

Князь Борович примирительно поднял руку, украшенную двумя Перстнями с вкраплениями разных камней и потребовал новую порцию меда.

Сидящий напротив молодого балдара Родомир некоторое время наблюдал за его реакцией и отметил для себя, что последнее время, даже несмотря на иноземное рождение, князь весьма благосклонен к Октавиану.

Пока на снеме продолжалось обсуждение прочих государственных дел, Родомир размышлял о том, как сильно изменился состав приближенных ко двору лиц за последние пару весен.

Всё началось со смерти прошлого Перста. Тихомир был уже весьма почтенного возраста, даже старше самого Родомира, который пережил никак не меньше шестидесяти весен, но продолжал сохранять молодость тела и духа, оставаясь одним из самых активных деятелей снема Восьми Углов. Более того, он был чуть ли не единственным, кого князь Володар слушался с самого детства, словно найдя в нем замену погибшему отцу и покинувшему его брату. По крайней мере, Тихомир наверняка не допустил бы раскола в отношениях между соседями и пролития крови в княжеских залах. Тем более прискорбной и разрушительной стала весть о внезапной смерти Перста, отправившегося к Нави из-за лихорадки. Родомир лично осмотрел тело и признал, что старика поразил самый обычный старческий недуг. Хотя сомнения о внезапном уходе из жизни не покидали его до сих пор.

Вскоре на место Перста был назначен Захариас Межич. Никто не сомневался в управленческих способностях бывшего наместника Борграда, однако его внезапного назначения также никто не ожидал. Ведь по старой традиции, ведущейся со дня основания снема Восьми Углов, новые лица, желающие служить при дворе, выбирались на городском вече, часто даже без ведома Великого князя. И всё же противиться никто не стал. Во-первых, выбор был и правда весьма достойный; во-вторых, князь, пораженный смертью одного из ближайших яров, долгое время прибывал в дурном настроении, из-за чего остальные опасались выступить против его решения.

Вскоре произошли и другие изменения. Мизгирь, предшествующий Октавиану, был с позором изгнан из города за тайное покровительство непристойных заведений, где женщины продавали себя мужчинам за жалкие ломаша.

Верный своему делу Зеница князя был обвинен в измене и стал первым, кого государь казнил лично, на том же месте, где совсем недавно этот мир покинул бывший Десница. На место смотрителя за лазутчиками, вече выбрало Невзора Ярова из Моранска, который несмотря на свое происхождение удивительно легко и спокойно отнесся к осаде его родных земель.

Вскоре, с наступлением осени, судьба схожая с судьбой Зеницы постигла и бывшего Черного Клинка, место которого теперь занимал Верислав, которого, к слову, Великий князь также молча посадил за стол, не дожидаясь решения прочих яров. Этот воевода лишь тень прежнего. Ни стратегического мышления, ни опыта осады городов, ни умелого пользования дружиной у этого человека не было. Да, он был верным сотником и славным воином, долгое время сражавшимся на Триллиуме против асварохов, но не более того.

Теперь из прошлого состава остались только двое: Злотоаяр Крович — Златник и торговец, разбогатевший на разведении лошадей, и глава духовенных дел, Знающий — Родомир Нивич.

— Родомир, — низкий голос слегка охмелевшего князя вывел Знающего из раздумий.

— Внемлю твоему слову, княже, — сухой голос старика звучал тихо и спокойно.

— Может хоть тебе что-нибудь ведомо об этом сборище грязных отступников?

— Не гневайся, княже, но боюсь, добавить мне нечего, — Родомир знал, что речь идет о некоем ополчении, участники которого, по заявлениям Октавиана и зеницы, готовят заговор против князя.

— Что за диво мне слышно, — притворно улыбнулся Невзор, из-за чего на его округлых щеках появились складки, — не ты ли, Знающий, к простому люду ближе каждого из нас?

— Видно стар я уже стал. Изволь мне поведать почто люд наш может про ополчение знать? — слегка удивился знающий.

— Уснул али как? — низкий голос воеводы звучал возмущенно: видимо он только что изложил целую речь, которую Родомир пропустил в задумчивости. — Я только сейчас сказывал о том, как двое моих славных стражников были убиты подле стен города, вблизи ворот.

— А там, — вставил Октавиан, — как известно, живут лишь бедняки, крестьяне и *scelerati**, которых наша неумолимая стража ищет в каждой харчевне.

— Не нравится мне речь твоя, Мизгирь. Коли хочешь молвить что-то на моих ребят, так говори открыто, — с нарастающим раздражением отозвался Черный Клинок.

— Полно, Верислав, — с легкой издевательской улыбкой отвечал Мизгирь, — тебе не понаслышке должно быть известно о гуляниях караульных возле ворот. Мои паучки говорят много интересного, в том числе и о нашем могучем воеводе.

— Следи за словами, мальчишка, — процедил воевода.

— Довольно, — князь хлопнул тяжелой ладонью по столу, — мы здесь не для того, чтобы пререкаться.

— Да, Мой Князь, — кивнул Мизгирь.

— Твоя воля, княже, — неохотно отступил Верислав.

— Давеча, буквально вчера, когда час мотылька спустился на столицу, двух дружинников нашли убиенными, — продолжил говорить Володар, обращаясь уже у Родомиру, — думается нам, что сие дело рук тех поганых байстрюков, о которых Мизгирь сказывал. Ты часто слышишь, что люди молвят, Знающий, так скажи мне, слышал ли ты что-то по сему вопросу?

— Я слышал о скорбной участи двух добрых молодцев, что были в услужении, да примет их Перун в свой чертог и не будут они забыты, — Родомир приложил правую руку к левой стороне груди и наклонил голову, Верислав, Злотояр и Невзор сделали то же самое, — но смею тебя заверить, княже, что ничего другого об их смерти мне неведомо.

— Ясно, — князь освободил очередную чашу от меда и поставил ее на гладкую поверхность стола, — знамо мне, что твою мудрую голову много тяжких мыслей наполняет, Родомир, и все же впредь прошу тебя не гнушаться словами сего снема. Аспекты могут иногда и обождать.

— Твоя правда, княже, — Знающий поклонился не вставая с места, — благодарю, что гневаться не стал на старика. Впредь стану я острее слушать яров других, с коими за одним столом восседаю.

Юная Гелена, которая прожила уже одиннадцать весен, осиротела довольно рано. После того, как болезнь забрала ее родителей и старших братьев, она думала, что совсем скоро присоединится к ним, поэтому явление темноволосого парня, с необычными вьющимися волосами, в ее жизни стало настоящим чудом. Темноволосый парень, которого, как Гелена узнала позднее, звали Октавиан Камниус, не только накормил и вылечил девочку спасая от неминуемой гибели, но и отдал на попечение придворной хозяйке княжьего дома. Хозяйка была старой и строгой, но всегда давала ночлег и еду за выполненную работу. А о большем девочка не смела и помыслить.

Закончив с уборкой на большом столе с восемью углами, по крайней мере именно так описала его для себя Гелена, девочка принялась за самую сложную и неприятную часть работы: ей нужно было оттереть кровь от деревянного пола, который впитал в себя почти всё, что на него пролилось. В один из моментов, когда Гелена приподнялась с четверенек, чтобы вытереть пот со лба, она услышала, как в большой зал через дальнюю дверь вошли люди, которые вели негромкую беседу. Юная служанка выглянула из-за массивного каменного трона на котором, как она догадалась, восседал князь и заметила двух мужчин. Один стоял спиной к трону, и Гелена не видела его лица, она смогла рассмотреть только длинный седой волос, который спадал на простой, коричневый халат. Второй мужчина, стоявший полубоком красовался в золотистом кафтане расшитом жемчугом и витиеватой черной нитью. Округлое лицо плотного мужчины выглядело слегка обеспокоенным, по крайней мере так казалось, потому что он постоянно приглаживал свои реденькие, пшеничные волосы.

— Не мнится ли тебе, друже, что вести речь о сих делах прямо в княжьих палатах — дело весьма небезопасное? — негромко говорил мужчина в красивом кафтане.

— Не больше, чем в любом другом месте, — спокойно отвечал седой.

— И то верно. Боюсь, что в домыслах о Великом князе ты тоже можешь стать правым. Наслышан я о злодеяниях, что творились в Морановых Землях по велению его. Но вправду ли думается тебе, что впредь будет еще горше?

— Тебе открыто то же, что и мне, Злотояр. Князь полки свои направил в Верхолесье, дабы укрепить власть родов правящих, но кто ведает, что сие укрепление не понесет за собой новых убийств?

— А следом он на империю пойти замыслил, — голос Злотояра немного дрогнул, — ты даже не ведаешь, мой друг, сколь трудов положил я на становление добрых отношений с Лапидиумом.

— Балдария не станет последней.

— Как же?

— Мысли князя полны желания идти на север. Хочет найти там что-то, что лишь ему одному ведомо. Речи его даже мельком этого не касаются, но мне точно знамо, что Верховинск только ступень для движения на Калевалу.

— Велес великодушный, что ему нужно от племен кининга? Они ведь живут совершенно обособленно, а земли их заполнены болотами да лесами. Ничего другого там и нет.

— На этот вопрос ответа нет и у меня. Но вот в чем сомнений у меня не появляется, так это в том, что даже Борово Княжество не сумеет вести войну со всеми землями Миридара.

— Разве Верислав не должен сдерживать князя?

— Верислав — воин простой, лишенный собственной воли. Володар возвел его на стул Черного Клинка токмо за верность песью да за беспрекословное исполнение повелений.

— Как же нынче быстро явь меняется. Перст и Десница теперь один человек. Даже не смею подумать, долго еще ли нам с тобой при дворе службу нести.

— Не скажу, что дума сия меня не посещала. Авось и верно надобно... — седой мужчина понизил голос настолько, что Гелена его не услышала, но открытый рот и широко распахнутые глаза Злотояра указали на его неподдельное удивление словам собеседника.

— Не думаю, что такое голосом говорить можно. Даже мне.

— Ты муж разумный, Злотояр, и, в отличие от Мизгирия, тебе я могу тайну вверить.

Маленькое серое пятно пробежало между рук Гелены, пока она украдкой подслушивала и наблюдала за гостями. Заметив движение животного, девочка испугалась и резко поднялась на колени, больно и громко ударившись рукой о каменный трон. В зале повисла гнетущая тишина. Гелена, убедившись, что ее не видно, прижалась к холодной каменной спинке престола и судорожно стала прислушиваться к происходящему. Ее сердце забилося с бешеной

скоростью, когда она услышала шаги одного из мужчин направлявшегося в ее сторону. Но, пройдя пару пядей, шаги остановились.

— Всего лишьмышь, — сильно выдохнув сказал мужчина, — честное слово, я лишусь рассудка прежде, чем меня казнят. Молю тебя, мой друг, давай отложим беседу до иной поры.

Дождавшись, пока мужчины покинут большую залу и уйдут достаточно далеко, Гелена столь же облегченно выдохнула и, быстро собрав рабочие принадлежности, отправилась к хорошо знакомым палатам, в которых жил Октавиан. Ведь помимо работы при дворе у девочки было и другое занятие — быть той, кого Мизгирь называл «паучком».

Scelerati* —преступники

пр. Снем — совет князей и/или знатных людей

По следам следопыта

Четверо мужчин быстрым шагом следовали за тянущими вперед собаками с длинными мордами.

— Видать, девчонка не соврала, — сказал идущий по центру мужчина с непослушной копной черных, торчащих во все стороны волос, с трудом сдерживающий одну из собак на кожаном поводке, — смотри, как тянут.

— Д-давно надо было выкинуть эту м-мразь из деревни, — заикаясь, проговорил мужчина, которому на вид было не больше двадцати лет, сдерживая на ходу вторую гончую. — Олис не заслужил умереть т-т-так.

— Это да, — протянул первый. — Я всю жизнь в этих лесах охочусь, а еще ни разу такой жути не видал.

— Дык никто из нас не видал, — прохрипел мужик с топором на поясе, едва поспевающий за двумя ведущими. — Это только варты байки травили, что в скорбную ночь всё много хуже было. А я вот был в ту ночь и скажу вам так: не видал я никаких чудовищ, только разруху да кучу мертвых.

— Эти варты только болтать горазды, — гнусаво вставил четвертый мужчина с прямой, словно из-под топора, стрижкой и задранном носом. — Говорят, мол, в ту ночь половина из них грибов нажралась поганых и берсеркерами обернулась. Вот и поубивали друг друга да деревенских.

— Вы бы не трепались о вартах, — сдвинув брови, процедил первый ведущий с непослушной прической. — Плохо, конечно, что они с нами идти отказались, но лишнего о них говорить не стоит. В какой-то мере и у них правда есть: негоже добрым воинам за мальчишкой по лесу бегать.

Двое мужиков, идущих по краям, переглянулись и слегка насупились, но продолжать разговор не стали, только ускорили шаг, чтобы сравняться с идущими впереди.

— В-в-вон там, — заикающийся указал на дом травницы, стоящий поодаль от края деревни.

На подходе к избе гончие принялись вынюхивать небольшую область на дороге, почти зарываясь носом в землю и бегая друг за другом кругами. Через пару оборотов чувствительные носы повели своих хозяев к избе Ииды.

— Вилхо, — обратился первый охотник к своему соседу, — мы с Петри к бабке заглянем, а ты возьми Сакари и проверь двор за хатой.

Вилхо молча кивнул и, махнув головой мужику с задранном носом, открыл калитку. Они быстро пересекли участок земли перед домом и, обогнув несколько кустов, скрылись за углом избы. Вторая собака пыталась пойти следом, но хозяин ее одернул и, намотав поводок на руку, направился к дверям.

Первые пару минут на громкий и продолжительный стук в дверь никто не отвечал, и только когда к ударам кулаками добавились еще и пинки, из-за двери послышался старческий голос.

— Иду я, иду, — Иида приоткрыла дверь и заполнила собой образовавшийся проем. — Чего тут за шум? Кто мне дверь ломает? Аймо, ты, что ли?

— Я это, — подтвердил мужик, державший возле себя тянущуюся внутрь дома гончую. — И Петри со мной. Рейм у тебя?

— Рейм? — Травница подняла брови и отодвинула голову назад, словно удивленный голубь. — С чего бы он у меня был? Нет, он, конечно, меня иногда навещает, не то что ты, кстати. Это оно хорошо, что ты спать стал, как полагается, и сон-трава тебе теперь без надобности, но мог бы и заглянуть по старой памяти. Может, я тут уже окочурилась за зиму, а никто

в деревне ни сном ни духом, ага. А теперь тут, глядите на него, появился и чего? Рейма спрашивает.

— Спрашиваю, потому как его здесь видели недавно. А он нам нужен. Срочно, — на последнее слово Аймо сделал особый упор.

— Не было здесь никого, да и я только встала недавно, старые кости половину ночи ныли, вот к утру лишь заснула.

— Слушай, мы же его не просто так ищем...

Собака, вившаяся на коротком поводке, заскулила, и ее хозяин понял, что она рвется в дом совсем не для того, чтобы пригреться у печки.

— ...Можно зайти?

— Не можно, — воспротивилась Иида, прижимая морщинистую руку к двери. — Я вчера весь день на уборку потратила, травы варить буду, а вы мне сейчас грязь нанесете. Говорю же, нет у меня никого.

— Да хватит с ней любезничать, — недовольно рявкнул Петри. — Сами зайдем и всё проверим. Поди прочь с порога, — обратился он к травнице, — а то худо будет.

Петри подошел к тяжелой двери и положил одну руку на топор, а второй собрался с силой надавить на дверь, чтобы оттолкнуть деревянный пласт вместе со старушкой, которая напряглась и сжалась, словно змея, готовящаяся к прыжку.

— Нашли, — послышался приглушенный голос Сакари со стороны заднего двора.

— А там еще кто? — Травница нахмурилась и, налегая на дверь, попыталась выглянуть наружу, но никого не увидела.

— Оставь, — Аймо положил руку на плечо Петри и потянул его за собой. — Пойдем проверим, что у них там.

— Куда пойдем? — возмутилась травница. — Чай, не у себя по дому шастаете, хоть бы чуть уважения к старости проявили. — Но мужики не обратили на нее никакого внимания и быстро скрылись за углом.

Сакари сидел на корточках и что-то рассматривал возле замятого стога сена; Вилхо следил за гончей, которая то и дело тыкалась по кустам, а потом поспешила вернуться к сену.

— Смотри, — вздернутый нос Сакари задрался еще выше, глядя на прибывших; на вытянутой руке он держал небольшой клочок белой шерсти и ехидно ухмылялся.

— Значит, всё ж таки были здесь, — вздохнул Аймо и покачал головой. — Ладно, идем тогда дальше. Марка, — белая собака, покрытая коричневыми пятнами, подняла уши и посмотрела на хозяина, — искать!

Солнечная поутру погода довольно скоро начала портиться, и небо уже покрылось тяжелыми тучами, нагнанными северным морским ветром, обещавшими в скором времени пролиться дождем. Хмурое настроение Аймо стало под стать набежавшим облакам. И он, и его спутники понимали: если пойдет дождь, то идти по следу станет намного сложнее.

Гончие привели мужиков к опушке леса, где Аймо снял с кустов еще несколько клочков белой шерсти. Носы собак сновали в разные стороны, словно не могли определиться, куда им направиться, поэтому охотник и Вилхо решили обойти всю поляну, чтобы поискать следы самостоятельно. Найдя участок, не покрытый травой, Аймо обнаружил две неглубокие ямки, повторяющие форму крупных отпечатков лисьих лап.

— Вилхо, — позвал охотник, — иди сюда, я следы нашел.

— Мы тоже, — отозвался напарник.

— Парня?

— Н-нет, лисы.

— Лисы? — задал вопрос Аймо скорее себе и, рассыпая под нос проклятия, пошел к Вилхо и Петри. Сакари в это время лазил по кустам, пытаясь найти то ли следы, то ли ягоды.

Почесывая затылок через непослушные патлы, охотник тупо смотрел на точно такие же лисьи следы, как те, что он нашел на другом краю поляны.

— М-да, — процедил Аймо, — это немного усложняет дело.

— Немного? — отозвался Петри, наклонясь вперед. — Эдак ты, сука, мягко выразился. Как зверюга могла в разные стороны убежать? Раздвоилась, что ли?

— Д-дурак ты, Петри, — вставил Вилхо. — Парень долго у Йорана у-у-у...

— Учился, — помог закончить Петри.

— Да.

— И он отличный следопыт, — добавил Аймо, освобождая Вилхо от развития своей мысли. — С легкостью мог ложных следов наделать.

— От оно, значит, как, — раздался гнусавый голос подошедшего Сакари, — а там за кустами такие же.

Мужики молча посмотрели друг на друга, и Аймо, тяжело вздыхая, провел ладонью по смуглому лицу, невольно оттягивая нижние веки глаз. Гончие, спущенные с поводков, ходили вокруг поляны, пытаясь уловить запах своей добычи.

— Следов гаденьша вообще нет, — выдохнул охотник. — По мху, видать, ходит.

— Дык и что делать будем? — спросил Петри.

— Разделимся. Другого выбора всё равно нет. — Мужики согласно закивали. — Вилхо, ты также бери Сакари, и пусть Тихоня идет по следам на севере, а мы тогда двинемся на запад. Сдается мне, что восточные следы ложные, мох там обычно не растет, стало быть, и идти туда опаснее.

Поиски продолжались несколько часов, но, кроме новых следов, быстро размываемых крупным дождем, начавшимся вскоре после того, как преследователи разделились, никаких результатов не принесли. День клонился к завершению, когда идущие по следам снова встретились. Они почти одновременно вышли к Грядке, по своему обычаю бурно шумевшей и несущейся сквозь частые пороги, возле берега которой сходились и обрывались любые намеки на путь Рейма и Вайды.

Пока уставшие Марка и Тихоня жадно лакали воду из речки — дневная погоня их явно утомила, — мужики принялись обсуждать свои дальнейшие планы.

— Они перешли вброд, — устало начал Аймо, — переберемся на тот берег и посмотрим, что там. Чуть выше по реке есть мост, по нему и перейдем.

— Дык точно надо? — спросил Петри, разводя руками.

— То есть?

— Стемнеет ведь скоро, — пояснил он. — Мы и так уже за полынь ушли, а сопляк тем более. Его ж там сожрут, да и дело с концом.

— Точно, — подтвердил Сакари. — Не твари ночные, так волки задерут.

— Мы вообще-то за снежелисой охотимся, — ответил Аймо, — а парня живым взять надо.

— Не суть важно, кто его к п-предкам отправит, — вставил Вилхо, — главное, что багровая цена будет уплачена.

Густые брови охотника сошлись на переносице, и он посмотрел на спутника, словно собираясь ему возразить.

— Налит велел в первую очередь зверя загнать, — ровным тоном проговорил Аймо, — и убить, чтоб он больше не напал ни на кого. А мальчишку... — он немного замялся, поймав на себе взгляд Вилхо, — ну, там как получится.

— И всё же стемнеет скоро, — повторил Петри. — Негоже нам по лесу ночью бродить. Да и этот треклятый дождь, поди, уже все следы смыл.

— И жрать охота, — прогнусавил Сакари. — Может, вернемся лучше? А завтра от моста продолжим.

— У меня с собой немного хлеба есть, — ответил охотник. — А что до темноты, так разрубим палки на четверть с одного конца, запихнем туда бересту и мелкие ветки от сосен, да подожжем. Огниво я с собой взял.

— И чего нам эти палки? — продолжал протестовать Петри. — Они погаснут через час, и будем в темноте плутать. А если на болота зайдем? Сгинем мы вместе с этим отродьем.

— Не хочу в лесу гнить, — поддержал его гнусавый голос. — Меня дома Инка ждет.

— Ну и валите, т-труссы, — лицо Вилхо скривилось от гнева и отвращения. — Ч-чешите к своим бабам п-под юбки! Прижимайтесь к сиськам, как младенцы!

— Ладно, довольно, — примирительно вставил Аймо, видя, как Петри положил руку на топор, а Сакари опустил голову и сдвинул брови. — Обратном тем же путем идите, а мы дальше сами.

— Вот-вот, б-бегите...

— Ну всё, хватит! — громко и резко отрезал Аймо. — Пошли, найдем ветки потолще. А с вами еще свидимся, — он махнул рукой двум спутникам и вместе с Вилхо направился в сторону моста.

— Не сердись на них, — начал охотник, глядя на своего напарника, как только они перешли мост. — Я знаю, что Олис тебе, как брат был, но мужиков тоже понять можно.

— Угу, — согласно кивнул Вилхо. Он уже остыл и теперь полностью сосредоточился на поисках.

— Слушай, а это точно он? — Вилхо насупилсся и посмотрел на говорящего. — Я к чему: Рейм, конечно, чужой нам, но он столько лет в деревне прожил, помогал многим, у меня в голове никак не укладывается, что он мог зверюгу натравить на кого-то. Может, это всё-таки не она была.

— Да кто ж еще, ежели не она? Т-ты и сам бедного Олиса видел, — Аймо не нашел, что ответить и страдающий словесным недугом продолжил, — в-вообще, от парня одни беды. Когда он появился, отцы наши в ту же ночь слегли, твари всякие нападать почти каждый день стали, пока т-травой да оберегами всё не завешали. Петри, конечно, дурак, что в монстра не верит, а зверюга та батьку моего убила.

— Дурак-то он дурак, а за нами идти побоялся. Хорохорится только.

— Эт да, — согласился Вилхо. — Так вот теперь еще и Олиса не стало. И сам он, ну Рейм этот, какой-то д-д-дикий.

Аймо что-то проохал, смурно покачал головой и снова спустил Марку с поводка.

— Надо живее идти, пока дождь и правда всю тропу не размыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.